
Лика Сумеречная
Правила выживания
в мире мёртвых

Лика Сумеречная

Правила выживания в мире мёртвых

https://litres.ru/73560203
SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где грань между мирами истончилась, единственные, кто могут видеть мёртвых это проводники.

Вера лучшая из них. Холодный рассудок, стальные нервы, ни одного провала.

Но новое задание становится личным: душа, застрявшая в Серой зоне, отказывается уходить. Это Дмитрий. Её муж. Которого она считала погибшим десять лет назад.

Он не просто ждал он расследовал. Свою смерть. И смерть десятков других проводников. Кто-то в гильдии охотится за ними. Кто-то, кому они доверяли.

У Веры есть семь дней, чтобы узнать правду. Семь дней, чтобы защитить того, кого любит. Семь дней, чтобы не попасть в ловушку, расставленную много лет назад.

Но в Серой зоне свои законы. И главный из них: мёртвые не всегда молчат. А живые не всегда говорят правду.

Содержание

Глава 1: Призрак из прошлого 4
Конец ознакомительного фрагмента. 95

Лика Сумеречная
Правила выживания в мире мёртвых

Глава 1: Призрак из прошлого

***Западный округ, жилой комплекс «Алые паруса». 23:47.** *

Запах смерти здесь был едва уловимым – примесь старой пыли, прелых листьев и чего-то сладковатого, напоминающего забродившие яблоки. Вера Волошина стояла в подъезде семнадцатиэтажки и слушала тишину.

Лифт не работал. Третью неделю.

– Семнадцатый этаж, – пробормотала она, поправляя на плече сумку с инструментарием. – Проклятые духи любят высоту. Им кажется, что так они ближе к небу.

В подъезде горела каждая вторая лампа. Обычная история для спального района – энергетики экономят, люди боятся, а мёртвым только того и надо. Они питаются страхом живых, как цветы – солнечным светом.

Вера начала подъём.

Первый этаж. Коляски. Велосипед. На стене – свежие граффити: «Смерть – это начало». Кто-то из местных под-

ростков увлекался эзотерикой. Глупые. Если бы они знали, что смерть – это даже не конец, а так… пересадочная станция, может, писали бы что-то повеселее.

Третий этаж. Из-за двери доносился плач ребёнка и приглушённый голос матери: «Не выдумывай, никого там нет». Вера замедлила шаг. Дети всегда чувствуют острее. Они ещё не разучились видеть.

Пятый этаж. Запах смерти усилился. Вера достала из кармана плаща небольшой стеклянный флакон на цепочке – индикатор эфирных колебаний. Жидкость внутри пульсировала тусклым синим.

– Ну здравствуй, голубчик, – тихо сказала она. – Ты тут не один, я знаю.

Восьмой этаж. Индикатор загорелся ярко-синим.

– Многовато вас на квадратный метр, – Вера остановилась перевести дух. Тренированное тело выдерживало и не такие нагрузки, но подъём с экипировкой в тринадцать килограмм давал о себе знать.

На лестничной клетке десятого этажа она впервые услышала его.

Шёпот.

Множество голосов, сливающихся в один. Они говорили на разных языках, разный пол, разный возраст, но все повторяли одно и то же слово:

– Проводник… Проводник пришёл… Проводница…

Вера остановилась, закрыла глаза и сделала глубокий

вдох.

– Правило номер один, – сказала она себе вслух. – Не верь глазам своим. И ушам тоже.

Она открыла глаза. Лестничный пролёт был пуст. Только грязные стены, обшарпанные перила и лужица на бетонном полу – протёкшая труба.

Шёпот стих.

– Умные, – усмехнулась Вера. – Прячетесь. Ну-ну.

*__Квартира 147. 00:13.__ *

Дверь открыла женщина лет пятидесяти с красными от недосыпа глазами. За её спиной, в коридоре, горел свет, но он казался каким-то… мутным.

– Вы из ЖЭКа? – спросила женщина с надеждой. – У нас батареи холодные третью неделю, а я писала уже…

– Из санэпидемстанции, – соврала Вера с лёгкостью профессионала. – Жалоба на посторонний запах. Разрешите войти?

– Запах? – женщина нахмурилась. – Какой запах? Я ничего не чувствую. Соседи нажаловались? Это они из-за кота моего, Васьки, он у них в коридоре гадит, я знаю…

Вера перешагнула порог, и мир вокруг изменился.

Это был первый признак – лёгкое головокружение, словно пол качнулся под ногами. Второй признак – звуки стали глуше, словно кто-то заткнул уши ватой. Третий – свет по-

желтел.

Грань истончилась.

– Пройдёмте на кухню, – сказала Вера, не дожидаясь приглашения.

Женщина – её звали Людмила Петровна, как выяснилось через минуту – семенила следом, рассказывая о проблемах с соседями, о коте Ваське, который последнюю неделю шипит на пустой угол в прихожей, и о том, что у неё самой "что-то с давлением, всё мерещится".

Кухня оказалась маленькой, заставленной старой мебелью. На подоконнике сохла герань. В углу стояло ведро с тряпкой. Обычная картина.

Только вот в центре кухни, за столом, накрытым клеёнкой в цветочек, сидела женщина.

Она была старой. Очень старой. Лет девяносто, не меньше. Морщинистое лицо, седые волосы, собранные в жидкий пучок, руки с узловатыми пальцами сложены на коленях. На ней был старомодный халат и тапочки.

Она смотрела прямо на Веру.

– Бабушка, – Людмила Петровна всплеснула руками. – А вы чего не спите? Я же говорила – вам нельзя вставать, у вас давление…

Она шагнула к старухе.

– Стойте, – резко сказала Вера. – Не подходите к ней.

Людмила Петровна замерла, удивлённо моргая.

– Почему? Это мама моя, она после инсульта, мы за ней

ухаживаем…

Вера смотрела на старуху. Та сидела неподвижно, но в её глазах плясали огоньки. Не отражение лампы – настоящие, синеватые, как болотные огни.

– Ваша мама, – медленно проговорила Вера, – она всегда смотрит вот так? Не моргая?

– Ну… – Людмила Петровна замялась. – Последние дни да. И не разговаривает совсем. Врач сказал – апатия, это нормально…

– Врач ошибся, – Вера положила сумку на пол. – Людмила Петровна, выйдите, пожалуйста, в коридор. И не заходите, пока я не позову.

– Но…

– *Выйдите.*

Женщина вышла. Вера слышала, как она застыла за дверью, прижимая руки к груди.

Вера повернулась к старухе. Та улыбнулась.

– Здравствуй, проводник, – сказала она голосом, в котором скрипели несмазанные петли и шуршал песок. – Давно тебя жду.

– Представься, – сухо сказала Вера, расстёгивая сумку.

– Анфиса Ильинична, – старуха повела плечом. – Ты не смотри, что я так выгляжу. Внучка-то думает, что я тут живу. А я не живу уже… как бы тебе сказать… давно не живу.

– Я вижу, – Вера достала из сумки небольшой металлический цилиндр. – Шесть дней?

– Восемь, – поправила старуха. – Соседка сверху, царствие ей небесное, стукнула меня по батарее, а я как раз чай пила. Сердце и того… – она приложила руку к груди. – А оно у меня и так больное было. Я упала, а внучка на работе была. Два дня пролежала. Она пришла, а я уже… того.

Вера кивнула. Типичная история. Старики умирают незаметно, в одиночестве, и никто не замечает разницы.

– Так почему ты здесь, Анфиса Ильинична? – спросила Вера, крутя в пальцах цилиндр. – Свет видел? Тоннель?

– Видела, – старуха вздохнула. – Красиво так. И мама моя там стояла, молоденькая, как я её в детстве помню. Зовёт. А я не пошла.

– Почему?

– Внучка, – старуха кивнула на дверь. – Людка моя. У неё никого, кроме меня, нет. Мужики все козлы, детей бог не дал. Кому она теперь? А пенсию мою получать будет? Квартиру приватизировать? Она ж без меня пропадёт. Вот я и думала – посижу ещё немного, посмотрю за ней.

– Анфиса Ильинична, – Вера убрала цилиндр обратно в сумку. – Ты же понимаешь, что это не работает так? Ты не можешь за ней смотреть. Ты можешь только пугать её, вытягивать из неё силы. Ты видишь, как она спит? Видишь круги под глазами? Это ты. Твоё присутствие.

Старуха опустила голову.

– Я не хотела…

– Знаю. Ты не хотела. Они никогда не хотят. Но факт оста-

ётся фактом. Чем дольше ты здесь, тем больше вреда приносишь. Грань истончается. Соседи скоро начнут видеть тебя. Дети в подъезде – уже начали, кстати. А за ними придут другие. Те, кто поагрессивнее.

– Другие?

Вера шагнула к окну и отдёрнула занавеску. За стеклом была не ночная улица. Там было *ничто*. Серая, клубящаяся пустота, в которой угадывались силуэты.

– Видишь? – Вера обернулась. – Мир живых истончился до предела в этой точке. Из-за тебя. Ты создала якорь. И теперь сюда стягиваются все, кому не лень. Шептуны. Ползуны. Крикуны. Они будут кормиться страхом твоей Люды, пока она не сойдёт с ума или не умрёт от истощения. Хочешь этого?

– Нет! – старуха вскочила. Вскочила легко, как девушка. Тело, парализованное инсультом, осталось сидеть на стуле, а душа Анфисы Ильиничны стояла перед Верой – прямая, высокая, красивая женщина лет пятидесяти.

– Так выглядит истинная душа, – пояснила Вера. – Без возраста, без болезней. А то, что ты показываешь Людмиле – это твой страх. Твой и её. Перестань.

– Что мне делать? – спросила Анфиса Ильинична.

– Уходить, – просто сказала Вера. – Прямо сейчас. Я провожу тебя до перехода. Мама твоя всё ещё там, ждёт. Не заставляй её ждать вечность.

Анфиса Ильинична посмотрела на дверь, за которой

всхлипывала Людмила Петровна.

– Проститься?

– Нельзя, – покачала головой Вера. – Если подойдёшь, испугаешь. Она и так на пределе. Просто скажи здесь. Она услышит сердцем.

Старуха кивнула. Закрыла глаза. Шепнула что-то неслышное.

А потом в кухне что-то изменилось.

Свет стал ярче, чище. Воздух наполнился запахом сухих трав и яблок. В углу комнаты, прямо в стене, открылся проход. Он сиял тёплым золотым светом.

– Иди, – Вера улыбнулась впервые за последние три часа. – Там хорошо.

Анфиса Ильинична шагнула к свету. На пороге обернулась.

– Спасибо, проводник. А ты… ты сама-то как? Я вижу, у тебя тоже ноша тяжёлая. Тень за тобой ходит.

Вера вздрогнула.

– Какая тень?

– Мужская, – старуха покачала головой. – Молодой, красивый. Смотрит на тебя всё время. Любит. А уйти не может. Ты его держишь.

Свет моргнул, призывая.

– Прощай, Анфиса Ильинична.

– Прощай, милая.

Проход схлопнулся. Запах трав исчез. На стуле сидела

мёртвая старуха в халате – просто тело, пустая оболочка.

Вера подошла к окну. Серая муть рассеялась. За стеклом был обычный двор, фонари, припаркованные машины.

Она перевела взгляд на своё отражение в стекле.

За её спиной стоял Дмитрий.

Молодой, красивый, в той самой рубашке, что была на нём в день аварии. Он смотрел на неё с той же любовью, что и десять лет назад.

Вера резко обернулась.

Никого.

Только пустая кухня, мёртвая старуха и тиканье настенных часов.

– Правило номер один, – прошептала Вера, чувствуя, как дрожат руки. – Не верь глазам своим.

Она вышла в коридор.

– Всё в порядке, Людмила Петровна. Ваша мама… ей больше не больно. Вызывайте скорую и полицию. Скажите, что нашли её… ну, вы поняли.

Женщина смотрела на неё расширенными глазами.

– А вы? Кто вы?

– Санэпидемстанция, – Вера улыбнулась одними уголками губ. – Запаха больше не будет. Обещаю.

Она вышла в подъезд и начала спускаться. На лестнице было тихо. Шептуны исчезли.

На первом этаже, выходя на улицу, она остановилась и достала телефон. В нём горело уведомление:

«Гильдия "Порог". Новое задание. Уровень доступа: только для элитных проводников. Прибыть в Центральный офис до 06:00. Личное дело прилагается.»

Вера открыла файл и замерла.

Фотография. Знакомое лицо. Глаза, которые она видела только что в отражении.

Объект: Дмитрий Волошин.

Статус: Обнаружен в Секторе 7 ("Серая зона").

Особые отметки: Душа разумна, стабильна. Отказывается от перехода. Требуется принудительная эвакуация.

– Здравствуй, любимый, – сказала Вера в пустоту ночного двора. – Десять лет молчал… и вот ты решил объявиться.

–

***Центральный округ, Адмиралтейский проспект, дом 13. 05:47.** *

Гильдия "Порог" не значилась ни в одном справочнике города.

Официально в этом здании располагался "НИИ Санитарно-эпидемиологических исследований" – солидная вывеска, вахтёр в форме, пропускная система. Именно сюда стекались все заявки на "странные запахи", "необъяснимые звуки" и "привидений в квартире".

Вера толкнула тяжёлую дубовую дверь. Вахтёр – пожи-

лой мужчина с лицом человека, видевшего слишком много – кивнул ей, даже не проверив пропуск.

– Волошина, – сказал он скорее утвердительно, чем вопросительно. – Тебя с шести ждут. Поднимайся, не задерживайся.

– Спасибо, Иван Кузьмич.

Лифт был старым, ещё советским, с кнопками, стёртыми до блеска. Вера нажала на четвёртый. Лифт дёрнулся и пополз вверх, позвякивая тросами.

Она смотрела на своё отражение в мутном алюминии двери. Тени под глазами за ночь стали глубже. Час сна в машине у гипермаркета не считался отдыхом. После вызова на "Алых парусах" она так и не смогла заснуть – всё думала о задании, о Дмитрии, о том, что старуха сказала про тень.

*«Ты его держишь». *

Чушь. Она никого не держит. Она проводник, её дело – провожать, а не удерживать.

Лифт остановился. Двери открылись с протяжным скрипом.

Четвёртый этаж выглядел как любой другой научный институт: длинный коридор, выкрашенный зелёной краской до половины, двери с табличками, таблички с надписями. Только надписи были странными.

*«Отдел фиксации эфирных колебаний». *

*«Лаборатория посмертной голосовой активности». *

*«Сектор 7. Посторонним вход воспрещён». *

Вера прошла мимо лабораторий. Из-за одной двери доносился приглушённый голос: "Говори громче, я тебя не слышу… Нет, в динамик говори, в динамик!"

Она усмехнулась. Коллеги работают.

В конце коридора была дверь без таблички. Обычная деревянная дверь, выкрашенная коричневой краской, с облупившейся ручкой. Вера постучала три раза – условный сигнал.

– Войдите, – раздался глухой голос.

Она вошла.

Кабинет Наставника не менялся последние двадцать лет. Та же тяжёлая мебель красного дерева, те же шкафы с папками, то же единственное окно, выходящее во двор-колодец, куда никогда не заглядывало солнце. Пахло старыми бумагами, табаком и ещё чем-то неуловимым – maybe озоновым следом после сильной магии.

За столом сидел мужчина лет шестидесяти. Седые волосы зачёсаны назад, глубокие морщины у рта, внимательные серые глаза. Он не носил форму, только тёмный костюм и старомодный галстук.

Наставник.

Никто в Гильдии не знал его настоящего имени. Для всех он был просто Наставником – главой организации, человеком, который создал "Порог" тридцать лет назад, когда грань

между мирами только начала истончаться, и мёртвые пошли гулять по улицам.

– Садись, Вера, – он указал на стул напротив.

Она села. Между ними на столе лежала раскрытая папка. С фотографии на Веру смотрел Дмитрий.

– Кофе? – спросил Наставник. – Ты выглядишь так, будто не спала всю ночь.

– Спасибо, не откажусь.

Он щёлкнул пальцами, и в углу кабинета зашипела кофемашина. Вера давно перестала удивляться таким мелочам. Наставник умел управлять пространством лучше любого мага.

– Ты уже видела задание, – он не спрашивал, утверждал. – Что скажешь?

Вера заставила себя смотреть на фотографию спокойно.

– Странно, что объект обнаружили только сейчас. Серая зона патрулируется постоянно. Как он мог прятаться десять лет?

– Хороший вопрос, – Наставник взял папку, перелистнул несколько страниц. – Ответа на него у нас нет. Система слежения зафиксировала его три дня назад. Он словно… материализовался из ниоткуда.

– Этого не может быть.

– Именно поэтому задание поручили тебе, Вера. Ты лучшая. И… – он сделал паузу, – ты имеешь к этому объекту личное отношение.

Вера молчала.

Кофемашина закончила шипеть. Чашка с дымящимся напитком материализовалась на столе перед Верой. Она взяла её, просто чтобы занять руки.

– Расскажите мне о задании, – сказала она ровным голосом. – Официально.

Наставник кивнул, оценив её выдержку.

– Объект "Дмитрий Волошин". Возраст на момент смерти – 28 лет. Причина смерти – автомобильная авария, десять лет назад. Статус – разумная душа, застрявшая в Серой зоне. Особые отметки – отказывается от перехода, проявляет агрессию при попытках приблизиться.

– Агрессию?

– Трое наших проводников пытались войти с ним в контакт за последние три дня. Все трое вернулись с ментальными травмами. Один до сих пор в коме.

Вера отставила чашку.

– Он не агрессивный. Я знаю его.

– Ты знала его десять лет назад, – поправил Наставник. – Люди меняются. Мёртвые – тем более. Десять лет в Серой зоне… это не шутки. Там нет времени, нет еды, нет сна. Только бесконечное серое ничто и мысли. Тысячи и тысячи мыслей, от которых нельзя отвлечься. Это сводит с ума даже сильных.

– Я справлюсь.

– Я знаю. – Наставник откинулся на спинку кресла. – Но

есть ещё кое-что. Объект требует тебя. Лично. Он согласен говорить только с тобой.

Вера почувствовала, как внутри что-то оборвалось.

– Откуда он знает, что я здесь? Что я работаю в Гильдии?

– Мы не знаем. Это ещё одна загадка. – Наставник протянул ей тонкую папку. – Здесь всё, что нам известно. Техника, артефакты, поддержка – любые ресурсы в твоём распоряжении. Но есть одно условие.

– Какое?

– Ты должна выяснить, почему он не уходит. И если потребуется – применить силу. "Узы" ты получишь в лаборатории.

Вера взяла папку. Пальцы чуть дрогнули, но она этого не показала.

– Я поняла.

– Вера, – Наставник наклонился вперёд, и его голос стал тише, человечнее. – Я знаю, что это для тебя значит. Я помню, как ты пришла сюда десять лет назад. Помню твои глаза. Ты думала, что жизнь кончена. Но ты выжила. Стала лучшей. И теперь судьба даёт тебе шанс… поставить точку.

– Точку? – Вера подняла глаза. – Или многоточие?

– Это зависит только от тебя.

Она встала.

– Мне нужно в лабораторию. За "Узами".

– Иди. И ещё, Вера… – он помедлил. – Будь осторожна. Мёртвые часто говорят то, что мы хотим услышать. Не верь

глазам своим. Даже если эти глаза когда-то были самыми родными.

Вера кивнула и вышла.

*__Лаборатория артефактов, этаж -3. 06:34.__ *

Подвал Гильдии находился на глубине двадцати метров под землёй. Там, куда не проникали сигналы сотовой связи, где стены были усилены свинцом и серебром, а каждый сантиметр пространства опутывали защитные контуры.

Вера спустилась на лифте. Двери открылись в белый стерильный коридор, освещённый лампами дневного света. За бронированным стеклом виднелись лаборатории, где люди в защитных костюмах работали с артефактами.

Её встретила женщина в белом халате – Маргарита Степановна, глава лаборатории, сухая и педантичная, как хорошо откалиброванный прибор.

– Волошина, – она даже не поздоровалась. – Проходи. "Узы" готовы.

Она провела Веру в небольшую комнату без окон. Посередине на постаменте лежал металлический браслет. Обычный с виду, чуть тронутый патиной, с выгравированными рунами.

– Новейшая разработка, – Маргарита Степановна говорила быстро, будто читала лекцию. – Принцип действия – резонанс частот. Браслет настраивается на эфирный след объ-

екта и создаёт поле притяжения. Душа физически не может покинуть радиус действия в десять метров. Может вырваться, только если объект сильнее артефакта.

– А если сильнее?

– Тогда браслет сожжёт ментальную связь и отбросит тебя в кому. Но ты же лучшая, – в голосе учёной послышалась ирония. – Тебе повезёт.

Вера взяла браслет. Металл оказался тёплым, почти горячим.

– Как настраивать?

– Мы уже настроили. – Маргарита Степановна протянула ей планшет. – Вот частота объекта. Просто надень и войди в Сектор. Браслет сам найдёт цель.

Вера посмотрела на экран.

**Частота объекта: 7.83 Гц. Резонанс Шумана. **

– Частота Земли, – тихо сказала она.

– Что? – не расслышала учёная.

– Ничего.

Вера надела браслет на левое запястье. Металл сжался, подстраиваясь под руку. На секунду ей показалось, что она слышит голос – далёкий, едва уловимый:

*«Вера…» *

Она тряхнула головой. Голос исчез.

– Когда выходить? – спросила она.

– Завтра утром. Сейчас тебе нужно выспаться и собраться с мыслями. Вход в Сектор 7 с Северного поста. Я пришлю

координаты.

Вера кивнула и направилась к выходу. Уже в дверях она остановилась.

– Маргарита Степановна, можно вопрос?

– Да?

– Бывало такое, чтобы душа пряталась в Серой зоне десять лет и её не находили?

Учёная замерла. Её лицо, всегда бесстрастное, на миг исказилось чем-то похожим на страх.

– Нет, – ответила она тихо. – Не бывало. Это невозможно.

– А если… если душа не пряталась? Если её кто-то прятал?

Тишина повисла в лаборатории тяжёлым грузом.

– Иди спать, Волошина, – наконец сказала Маргарита Степановна. – У тебя завтра трудный день.

Она вышла, оставив Веру одну в комнате с браслетом на руке и тысячей вопросов в голове.

***Комната отдыха Гильдии, этаж 2. 08:15.** *

Вера не пошла домой. Дома её никто не ждал, а ехать через полгорода не было сил. Она взяла ключ от дежурки на втором этаже – маленькой комнаты с диваном, столом и раковиной.

Приняла душ. Переоделась в запасную форму. Легла.

Сон не шёл.

Она смотрела в потолок и слушала, как гудит вентиляция. Вспоминала. Десять лет назад. Тот день.

Они ехали за город. Димка любил эти выезды – шашлыки, лес, речка. Он сидел за рулём, улыбался, напевал что-то из старого рока. Она смеялась, поправляла волосы, дурачилась.

А потом удар.

Скрежет металла. Крик. Её руки в крови, его рука в её ладони, и эти слова: «Держись, Вера, держись, сейчас всё будет хорошо…»

Она держалась. Держалась, пока приехала скорая. Держалась, пока его грузили в машину. Держалась, пока врачи в приёмном покое качали головами.

А потом он умер.

Прямо у неё на руках. Открыл глаза, посмотрел на неё, улыбнулся одними уголками губ – так, как умел только он – и выдохнул в последний раз.

И всё.

Десять лет одиночества. Десять лет работы. Десять лет попыток забыть и не получалось.

А теперь он там. Ждёт её. И браслет на руке пульсирует в такт сердцу.

Вера закрыла глаза.

– Димка, – прошептала она в темноту. – Что же ты наделал? И что мне теперь делать?

Вентиляция гудела. Где-то далеко, на нижних этажах, глухо стучали механизмы лабораторий. Гильдия жила своей

жизнью, не обращая внимания на маленькую женщину в дежурке, которой завтра предстояло встретиться с призраком собственного мужа.

Засыпая, она снова услышала голос:

*«Вера… я жду тебя…» *

Или показалось.

Правило номер один: не верь глазам своим.

И ушам – тоже.

Глава 3. Личное дело

***Гильдия "Порог", кабинет Наставника. 05:47.** *

Вера сидела на том же стуле, что и час назад. Та же папка лежала на столе. Тот же Наставник смотрел на неё поверх очков для чтения – хотя Вера знала, что зрение у него идеальное, а очки он носит просто для солидности.

– Ты готова? – спросил он.

– Да.

– Тогда откроем.

Он протянул ей папку. Обычная картонная папка серого цвета, каких тысячи в архивах Гильдии. На обложке – гриф «СОВ. СЕКРЕТНО. УРОВЕНЬ ДОПУСКА: ЭЛИТНЫЙ ПРОВОДНИК».

Вера взяла её в руки. Папка была тёплой. Странно. Бумага не должна быть тёплой.

– Открой, – мягко сказал Наставник.

Она открыла.

И мир остановился.

На первой странице, в пластиковом файле, лежала фотография. Обычная цветная фотография 10х15, глянцевая, чуть выцветшая по краям. На ней был Дмитрий.

Он стоял в парке, прислонившись к стволу старого дуба. Солнечный свет падал на лицо, выхватывая веснушки на носу – она всегда любила эти веснушки, говорила, что они делают его похожим на мальчишку. На нём была та самая клетчатая рубашка, которую Вера купила ему на годовщину свадьбы. Рукава закатаны до локтей. На губах – лёгкая, чуть насмешливая улыбка.

Вера смотрела на фотографию и не могла отвести взгляд.

Десять лет.

Десять лет она не видела его лица. Не позволяла себе смотреть старые фото, не хранила их в телефоне, не ставила на полку в рамке. Слишком больно. Слишком тяжело.

А теперь он смотрел на неё с этой дурацкой фотографии, живой, настоящий, и улыбался так, будто ничего не случилось.

– Где вы это взяли? – спросила она, и голос предательски дрогнул.

– Это не наше, – Наставник покачал головой. – Это пришло с объектом. Когда система зафиксировала его в Серой зоне, вместе с сигнатурой передался и этот файл. Мы не знаем, как он у него оказался. Возможно, носил с собой все десять лет.

– Носил с собой, – эхом повторила Вера. – Души не носят

фотографии. У душ нет карманов.

– У разумных душ есть память. А память умеет материализовывать образы. – Наставник вздохнул. – Вера, посмотри дальше. Там много всего.

Она перевернула страницу.

ЛИЧНОЕ ДЕЛО № 1847-А

Объект: Волошин Дмитрий Алексеевич

Дата рождения: 12.03.1985

Дата смерти: 23.08.2016

Место смерти: трасса М-8, 76-й километр

Причина смерти: автомобильная травма, несовместимая с жизнью

Вера читала строчку за строчкой, и каждое слово отдавалось болью где-то под рёбрами. Холодный, канцелярский язык описывал последние минуты его жизни так, будто речь шла о сломанном стуле.

Обстоятельства смерти: ДТП с участием двух автомобилей. Водитель Волошин Д.А. не справился с управлением на мокрой трассе, выехал на встречную полосу, столкнулся с грузовым автомобилем. Скончался до прибытия скорой помощи.

– Это ложь, – тихо сказала Вера. – Он не выезжал на встречку. Нас подрезали. Какой-то идиот на джипе, он пошёл на обгон и подрезал нас. Димка увернулся, но машину занесло. Мы врезались в отбойник, а не в грузовик. Грузовик приехал потом и въехал в нас уже после удара.

Наставник молчал.

– Почему в отчёте этого нет? – Вера подняла глаза. – Почему его сделали виноватым?

– Потому что водителя джипа так и не нашли. А дело нужно было закрывать. – Наставник говорил спокойно, но в глазах мелькнуло что-то похожее на сочувствие. – Ты знаешь, как работает система. Если нет виновного, назначают того, кого удобно назначить.

– Удобно? – Вера сжала край папки так, что побелели костяшки. – Ему было удобно, что моего мужа сделали убийцей? Что я три года слушала от его родителей, что это он виноват, что он убил себя и чуть не убил меня?

– Вера…

– Нет, – она резко выдохнула и заставила себя разжать пальцы. – Простите. Я в порядке. Что дальше?

Наставник внимательно посмотрел на неё, но комментировать не стал.

– Дальше отчёты о наблюдении.

Вера перевернула страницу.

Протокол первичного контакта №1

Дата: 20.08.2026

Время: 14:23

Проводник: Соколов А.И.

Результат: Объект обнаружен в квадрате 7-12-9. При попытке приблизиться объект проявил вербальную агрессию. Требовал «убраться и не мешать ждать». На предложение перехода ответил отказом. Контакт прерван по инициативе объекта.

Протокол первичного контакта №2

Дата: 21.08.2026

Время: 09:47

Проводник: Ветрова Е.С.

Результат: Объект находился в том же квадрате. При попытке установить ментальную связь объект ответил агрессивным вторжением в сознание проводника. Проводник получила лёгкое ментальное истощение. Объект сообщил: «Я никуда не пойду. Передайте Вере, что я жду её. Только её».

Протокол первичного контакта №3

Дата: 22.08.2026

Время: 03:12

Проводник: Корсаков Д.М. (уровень 5, усиленный ментальный щит)

Результат: Объект атаковал проводника сразу после входа в квадрат. Ментальный щит пробит за 3 секунды. Проводник в коме. Прогноз восстановления – неблагоприятный. Объект транслировал одно сообщение: «Скажите Вере – если она не придёт, я начну выходить сам. Я найду её. Грань тонкая. Я научусь».

Вера закрыла глаза.

– Он угрожает?

– Он предупреждает, – поправил Наставник. – И это самое страшное. Если разумная душа научится пересекать грань без проводника, если она сможет материализоваться в мире живых… ты знаешь, что будет.

– Знаю. – Вера открыла глаза. – Катастрофа. Эпидемия самоубийств. Массовые психозы. Грань порвётся в этом месте, и Серая зона хлынет в город.

– Именно. Поэтому у нас нет выбора. Ты должна войти в контакт. Должна убедить его уйти. Или…

– Или что?

Наставник помолчал.

– Или применить силу. У тебя есть "Узы". Если не получится убедить – активируешь браслет и транспортируешь его в переход принудительно. Даже если он будет сопротивляться. Даже если это… причинит ему боль.

Вера посмотрела на свою руку. Браслет тускло блестел в свете настольной лампы.

– Причинить боль Димке, – тихо сказала она. – Интересно, чувствуют ли мёртвые боль?

– Чувствуют. Только иначе. Не телом – душой. И эта боль сильнее физической в сотни раз. – Наставник встал и подошёл к окну. – Я не хочу, чтобы ты это делала, Вера. Но если он не оставит выбора – придётся.

– Я поняла.

– Там ещё кое-что, – Наставник обернулся. – В самом конце папки. Личное.

Вера перевернула последние страницы.

И замерла.

Это были не протоколы и не отчёты. Это были записи. Сделанные от руки. Знакомым почерком.

Почерком Дмитрия.

– Откуда? – прошептала она.

– Он передал их через Соколова. При первом контакте. Просто транслировал образ страницы, и Соколов записал. Мы не знаем, как он это сделал. Но знаем, что это адресовано тебе.

Вера читала.

*«Вера, солнце моё. Если ты читаешь это – значит, я всё правильно рассчитал. Ты пришла. Я знал, что ты придёшь. Я всегда знал, что ты меня не бросишь. Даже когда умер. Даже когда оставил тебя одну. Прости меня за это. Я не хотел уходить. Я хотел остаться с тобой. Но тогда не получилось. Теперь – получится. Я жду тебя. Приходи. Нам нужно поговорить. Я должен тебе кое-что рассказать. И кое о чём попросить. Только ты. Никто другой. Я люблю тебя. Твой Димка».
*

Строчки плыли перед глазами. Вера моргнула, и на бумагу упала первая слеза. За десять лет – первая.

Она быстро вытерла её рукавом, надеясь, что Наставник не заметил. Но он заметил всё.

– Прости, – сказал он тихо. – Я не хотел делать тебе больно. Но ты должна была знать. Ты должна была увидеть. Он не просто сопротивляется уходу. Он ждёт тебя. Десять лет ждёт. И это… это не похоже на обычную застрявшую душу.

– А на что это похоже? – спросила Вера, не поднимая глаз.

– На то, что у него есть цель. Есть миссия. И эта миссия связана с тобой. – Наставник вернулся за стол. – Вера, я не знаю, что он хочет тебе сказать. Но я знаю одно: мёртвые не ждут живых просто так. Если душа отказывается от перехода ради конкретного человека – значит, либо она хочет забрать его с собой, либо…

– Либо что?

– Либо она знает что-то, что не даёт ей уйти спокойно. Тайну. Обычно – тайну смерти. Убийство, которое нужно раскрыть. Предупреждение, которое нужно передать. Долг, который нужно вернуть.

Вера подняла глаза.

– Вы думаете, его смерть не была случайностью?

– Я думаю, – медленно сказал Наставник, – что твой муж десять лет ждал именно этого момента. Ждал, когда грань истончится настолько, что он сможет передать тебе весточку. Ждал, когда ты станешь достаточно сильной, чтобы прийти к нему. И теперь, когда это случилось… – он развёл руками. – Мы не знаем, что произойдёт дальше.

Вера закрыла папку.

– Я пойду к нему сегодня.

– Нет. Завтра утром. Сейчас ты не в том состоянии. Иди отдохни. Поспи. Поговори с ним мысленно, если хочешь. Подготовься. А завтра… завтра ты сделаешь то, что должна.

– А если я не смогу?

– Сможешь. – Наставник улыбнулся одними уголками губ. – Ты Волошина. Ты лучшая. Ты всегда делаешь то, что должна. Даже когда это невозможно.

Вера встала. Папку она прижимала к груди, как ребёнка.

– Спасибо, Наставник.

– Иди. И помни: что бы он ни сказал, что бы ни попросил – думай головой. Сердце в Серой зоне – плохой советчик.

Она кивнула и вышла.

*__Дежурка Гильдии. 09:30.__ *

Вера сидела на узкой койке и смотрела на фотографию. Она вынула её из папки – никто не запрещал – и положила перед собой.

Димка улыбался.

– Здравствуй, глупый, – сказала она вслух. – Десять лет молчал. Десять лет не давал о себе знать. И вот решил объявиться. И как теперь мне быть?

Фотография молчала.

– Ты просишь прийти. Я приду. Ты хочешь поговорить – я послушаю. Но если ты думаешь, что я позволю тебе остаться, если ты надеешься, что я буду таскать тебя за собой как хвостик – ты ошибаешься. Я проводник. Моя работа – провожать. Даже тех, кого люблю.

Она помолчала.

– Особенно тех, кого люблю.

В комнате было тихо. Только вентиляция гудела за стеной. И вдруг Вера явственно ощутила запах – знакомый, родной, забытый.

Запах его одеколона. Сосновые нотки и бергамот. Тот самый, который она купила ему в первую годовщину, и который он носил каждый день.

– Дим? – прошептала она.

Ничего. Только запах, тающий в воздухе.

Вера посмотрела на браслет на руке. Он слабо пульсировал синим.

– Я приду, – сказала она. – Завтра. Жди.

Она легла на койку, не раздеваясь, и закрыла глаза. Фотографию положила рядом, на подушку.

Впервые за десять лет она засыпала, зная, что он рядом. Пусть и по ту сторону грани.

–

***Гильдия "Порог", кабинет Наставника. 05:47.** *

Вера сидела на том же стуле, что и час назад. Та же папка лежала на столе. Тот же Наставник смотрел на неё поверх очков для чтения – хотя Вера знала, что зрение у него идеальное, а очки он носит просто для солидности.

– Ты готова? – спросил он.

– Да.

– Тогда откроем.

Он протянул ей папку. Обычная картонная папка серого цвета, каких тысячи в архивах Гильдии. На обложке – гриф «СОВ. СЕКРЕТНО. УРОВЕНЬ ДОПУСКА: ЭЛИТНЫЙ ПРОВОДНИК».

Вера взяла её в руки. Папка была тёплой. Странно. Бумага не должна быть тёплой.

– Открой, – мягко сказал Наставник.

Она открыла.

И мир остановился.

На первой странице, в пластиковом файле, лежала фо-

тография. Обычная цветная фотография 10х15, глянцевая, чуть выцветшая по краям. На ней был Дмитрий.

Он стоял в парке, прислонившись к стволу старого дуба. Солнечный свет падал на лицо, выхватывая веснушки на носу – она всегда любила эти веснушки, говорила, что они делают его похожим на мальчишку. На нём была та самая клетчатая рубашка, которую Вера купила ему на годовщину свадьбы. Рукава закатаны до локтей. На губах – лёгкая, чуть насмешливая улыбка.

Вера смотрела на фотографию и не могла отвести взгляд.

Десять лет.

Десять лет она не видела его лица. Не позволяла себе смотреть старые фото, не хранила их в телефоне, не ставила на полку в рамке. Слишком больно. Слишком тяжело.

А теперь он смотрел на неё с этой дурацкой фотографии, живой, настоящий, и улыбался так, будто ничего не случилось.

– Где вы это взяли? – спросила она, и голос предательски дрогнул.

– Это не наше, – Наставник покачал головой. – Это пришло с объектом. Когда система зафиксировала его в Серой зоне, вместе с сигнатурой передался и этот файл. Мы не знаем, как он у него оказался. Возможно, носил с собой все десять лет.

– Носил с собой, – эхом повторила Вера. – Души не носят фотографии. У душ нет карманов.

– У разумных душ есть память. А память умеет материализовывать образы. – Наставник вздохнул. – Вера, посмотри дальше. Там много всего.

Она перевернула страницу.

ЛИЧНОЕ ДЕЛО № 1847-А

Объект: Волошин Дмитрий Алексеевич

Дата рождения: 12.03.1985

Дата смерти: 23.08.2016

Место смерти: трасса М-8, 76-й километр

Причина смерти: автомобильная травма, несовместимая с жизнью

Вера читала строчку за строчкой, и каждое слово отдавалось болью где-то под рёбрами. Холодный, канцелярский язык описывал последние минуты его жизни так, будто речь шла о сломанном стуле.

Обстоятельства смерти: ДТП с участием двух автомобилей. Водитель Волошин Д.А. не справился с управлением на мокрой трассе, выехал на встречную полосу, столкнулся с грузовым автомобилем. Скончался до прибытия скорой помощи.

– Это ложь, – тихо сказала Вера. – Он не выезжал на

встречку. Нас подрезали. Какой-то идиот на джипе, он пошёл на обгон и подрезал нас. Димка увернулся, но машину занесло. Мы врезались в отбойник, а не в грузовик. Грузовик приехал потом и въехал в нас уже после удара.

Наставник молчал.

– Почему в отчёте этого нет? – Вера подняла глаза. – Почему его сделали виноватым?

– Потому что водителя джипа так и не нашли. А дело нужно было закрывать. – Наставник говорил спокойно, но в глазах мелькнуло что-то похожее на сочувствие. – Ты знаешь, как работает система. Если нет виновного, назначают того, кого удобно назначить.

– Удобно? – Вера сжала край папки так, что побелели костяшки. – Ему было удобно, что моего мужа сделали убийцей? Что я три года слушала от его родителей, что это он виноват, что он убил себя и чуть не убил меня?

– Вера…

– Нет, – она резко выдохнула и заставила себя разжать пальцы. – Простите. Я в порядке. Что дальше?

Наставник внимательно посмотрел на неё, но комментировать не стал.

– Дальше отчёты о наблюдении.

Вера перевернула страницу.

Протокол первичного контакта №1

Дата: 20.08.2026

Время: 14:23

Проводник: Соколов А.И.

Результат: Объект обнаружен в квадрате 7-12-9. При попытке приблизиться объект проявил вербальную агрессию. Требовал «убраться и не мешать ждать». На предложение перехода ответил отказом. Контакт прерван по инициативе объекта.

Протокол первичного контакта №2

Дата: 21.08.2026

Время: 09:47

Проводник: Ветрова Е.С.

Результат: Объект находился в том же квадрате. При попытке установить ментальную связь объект ответил агрессивным вторжением в сознание проводника. Проводник получила лёгкое ментальное истощение. Объект сообщил: «Я никуда не пойду. Передайте Вере, что я жду её. Только её».

Протокол первичного контакта №3

Дата: 22.08.2026

Время: 03:12

Проводник: Корсаков Д.М. (уровень 5, усиленный ментальный щит)

Результат: Объект атаковал проводника сразу после входа в квадрат. Ментальный щит пробит за 3 секунды. Проводник в коме. Прогноз восстановления – неблагоприятный. Объект транслировал одно сообщение: «Скажите Вере – если она не придёт, я начну выходить сам. Я найду её. Грань тонкая. Я научусь».

Вера закрыла глаза.

– Он угрожает?

– Он предупреждает, – поправил Наставник. – И это самое страшное. Если разумная душа научится пересекать грань без проводника, если она сможет материализоваться в мире живых… ты знаешь, что будет.

– Знаю. – Вера открыла глаза. – Катастрофа. Эпидемия самоубийств. Массовые психозы. Грань порвётся в этом месте, и Серая зона хлынет в город.

– Именно. Поэтому у нас нет выбора. Ты должна войти в контакт. Должна убедить его уйти. Или…

– Или что?

Наставник помолчал.

– Или применить силу. У тебя есть "Узы". Если не получится убедить – активируешь браслет и транспортируешь его в переход принудительно. Даже если он будет сопротивляться. Даже если это… причинит ему боль.

Вера посмотрела на свою руку. Браслет тускло блестел в свете настольной лампы.

– Причинить боль Димке, – тихо сказала она. – Интересно, чувствуют ли мёртвые боль?

– Чувствуют. Только иначе. Не телом – душой. И эта боль сильнее физической в сотни раз. – Наставник встал и подошёл к окну. – Я не хочу, чтобы ты это делала, Вера. Но если он не оставит выбора – придётся.

– Я поняла.

– Там ещё кое-что, – Наставник обернулся. – В самом конце папки. Личное.

Вера перевернула последние страницы.

И замерла.

Это были не протоколы и не отчёты. Это были записи. Сделанные от руки. Знакомым почерком.

Почерком Дмитрия.

– Откуда? – прошептала она.

– Он передал их через Соколова. При первом контакте. Просто транслировал образ страницы, и Соколов записал. Мы не знаем, как он это сделал. Но знаем, что это адресовано тебе.

Вера читала.

*«Вера, солнце моё. Если ты читаешь это – значит, я всё правильно рассчитал. Ты пришла. Я знал, что ты придёшь. Я всегда знал, что ты меня не бросишь. Даже когда умер. Даже когда оставил тебя одну. Прости меня за это. Я не хотел уходить. Я хотел остаться с тобой. Но тогда не получилось. Теперь – получится. Я жду тебя. Приходи. Нам нужно поговорить. Я должен тебе кое-что рассказать. И кое о чём попросить. Только ты. Никто другой. Я люблю тебя. Твой Димка». *

Строчки плыли перед глазами. Вера моргнула, и на бумагу упала первая слеза. За десять лет – первая.

Она быстро вытерла её рукавом, надеясь, что Наставник не заметил. Но он заметил всё.

– Прости, – сказал он тихо. – Я не хотел делать тебе больно. Но ты должна была знать. Ты должна была увидеть. Он не просто сопротивляется уходу. Он ждёт тебя. Десять лет ждёт. И это… это не похоже на обычную застрявшую душу.

– А на что это похоже? – спросила Вера, не поднимая глаз.

– На то, что у него есть цель. Есть миссия. И эта миссия связана с тобой. – Наставник вернулся за стол. – Вера, я не знаю, что он хочет тебе сказать. Но я знаю одно: мёртвые не ждут живых просто так. Если душа отказывается от перехода ради конкретного человека – значит, либо она хочет забрать его с собой, либо…

– Либо что?

– Либо она знает что-то, что не даёт ей уйти спокойно.

Тайну. Обычно – тайну смерти. Убийство, которое нужно раскрыть. Предупреждение, которое нужно передать. Долг, который нужно вернуть.

Вера подняла глаза.

– Вы думаете, его смерть не была случайностью?

– Я думаю, – медленно сказал Наставник, – что твой муж десять лет ждал именно этого момента. Ждал, когда грань истончится настолько, что он сможет передать тебе весточку. Ждал, когда ты станешь достаточно сильной, чтобы прийти к нему. И теперь, когда это случилось… – он развёл руками. – Мы не знаем, что произойдёт дальше.

Вера закрыла папку.

– Я пойду к нему сегодня.

– Нет. Завтра утром. Сейчас ты не в том состоянии. Иди отдохни. Поспи. Поговори с ним мысленно, если хочешь. Подготовься. А завтра… завтра ты сделаешь то, что должна.

– А если я не смогу?

– Сможешь. – Наставник улыбнулся одними уголками губ. – Ты Волошина. Ты лучшая. Ты всегда делаешь то, что должна. Даже когда это невозможно.

Вера встала. Папку она прижимала к груди, как ребёнка.

– Спасибо, Наставник.

– Иди. И помни: что бы он ни сказал, что бы ни попросил – думай головой. Сердце в Серой зоне – плохой советчик.

Она кивнула и вышла.

–

*Дежурка Гильдии. 03:42. *

Вера проснулась от холода.

Он пробрался под тонкое одеяло, заполз в рукава форменной куртки, коснулся шеи ледяными пальцами. В дежурке всегда было тепло – старые батареи топили немилосердно, и обычно приходилось открывать форточку. Но сейчас Вера дрожала так, будто лежала на снегу.

Она открыла глаза.

Комната была залита странным светом – серовато-голубым, каким бывает небо перед рассветом в пасмурный день. Только за окном была ночь, глубокая, непроглядная.

Вера села на койке.

Фотография Дмитрия всё ещё лежала на подушке. Но теперь на неё кто-то смотрел.

В углу комнаты, там, где никогда не стояло ничего, кроме старого шкафа, сидел человек.

Вера не видела его лица – он сидел вполоборота, опустив голову. Но она знала эти плечи. Знала этот изгиб спины. Знала, как он сидит – чуть ссутулившись, положив локти на колени.

– Дим? – голос сорвался на шёпот.

Человек не ответил. Не пошевелился.

Вера моргнула. Включила свет – щёлкнула выключателем над койкой. Лампочка зажглась, разгоняя серый сумрак. В углу никого не было. Только старый шкаф с облупившейся краской.

– Приснится же такое, – пробормотала она, растирая ледяные руки.

Но холод не уходил. Он поселился внутри, где-то в груди, и пульсировал в такт сердцу.

Вера посмотрела на часы. Почти четыре утра. До выхода в Сектор ещё три часа. Спать больше не хотелось.

Она встала, подошла к маленькому столу, налила воды из кулера. Сделала глоток. Вода отдавала металлом.

В отражении в тёмном окне за её спиной кто-то стоял.

Вера резко обернулась.

Никого.

– Спокойно, – сказала она вслух. – Правило номер два: не оглядывайся. Того, что позади, уже нет. Есть только то, что впереди.

Она повторяла это правило сотни раз стажёрам. Но сейчас оно не помогало. Потому что то, что позади, было слишком реальным. Слишком близким.

Вера закрыла глаза – и провалилась в воспоминание.

***23 августа 2016 года, 14:20. Трасса М-8. ***

– Вер, ну посмотри, какая красота!

Димка сиял. Он всегда сиял, когда вырывался за город. Солнце било в лобовое стекло, ветер врывался в приоткрытое окно, трепал его тёмные волосы. На заднем сиденье громоздился пакет с углём, мангал-раскладушка и здоровенный

термос с чаем, который Вера заварила с мятой и лимоном.

– Красота, – согласилась она и улыбнулась. – Только за рулём смотри на дорогу, а не на красоту.

– Обижаешь, – Димка подмигнул. – Я лучший водитель в мире. Со мной ты как за каменной стеной.

Он взял её руку, лежащую на рычаге переключения передач, и поцеловал пальцы. Вера почувствовала, как по коже побежали мурашки – даже спустя три года брака он умел заставить её сердце биться чаще.

– Дурак, – сказала она ласково.

– Твой дурак.

Дорога бежала под колёса. Слева мелькал лес, справа – поля, уже тронутые первой желтизной приближающейся осени. Хороший день. Тёплый. Живой.

В машине играло радио – какая-то старая рок-баллада. Димка подпевал, фальшивя и не стесняясь. Вера смеялась и подпевала тоже.

А потом всё кончилось.

Визг тормозов. Удар.

Время будто споткнулось.

Вера не поняла, что случилось. Секунду назад они ехали – и вот уже мир перевернулся, закрутился, зазвенел разбитым стеклом. Её бросило вперёд, ремень безопасности впился в грудь, вышибая воздух из лёгких.

– Димка! – закричала она. – Димка!

Он был рядом. Сидел за рулём, сжимая руль побелевшими

пальцами. В лобовое стекло, разбитое паутиной трещин, било солнце. А справа, со стороны водителя, надвигалось что-то огромное, тёмное, неотвратимое.

Грузовик.

Он нёсся прямо на них.

Димка успел только дёрнуть руль влево, уводя машину от прямого удара. Но было поздно. Грузовик врезался в правую сторону, смял дверь, разнёс стекло, влетел в салон грохотом и болью.

Вера закричала. Не от боли – от ужаса.

Димка смотрел на неё. Его лицо было белым, как мел, и на этом белом ярко алела полоса крови, текущей из виска.

– Димка! – она рванулась к нему, но ремень держал мёртвой хваткой. – Дима!

– Тише, тише… – он говорил едва слышно, сквозь стиснутые зубы. – Я тут. Я с тобой.

Машина ещё крутилась, скрежетала металлом, но для них двоих время остановилось. Он протянул к ней руку. Она схватила её, вцепилась мёртвой хваткой.

– Всё хорошо, – шептал он. – Сейчас всё будет хорошо. Скорая приедет. Всё будет…

Его рука дрожала. Вера чувствовала, как дрожит его рука, как пульсирует жилка на запястье. Живой. Он живой. Значит, всё будет хорошо.

А потом пришёл запах бензина.

– Дима, – Вера забилась, пытаясь высвободиться из рем-

ня. – Дима, надо вылезать. Машина горит.

– Я знаю, – он не отпускал её руку. – Ты вылезай. Я за тобой.

– Вместе! Только вместе!

Кто-то бил в стекло снаружи. Кричал. Вытаскивал. Вера почувствовала, как чьи-то руки отстёгивают её ремень, тянут наружу. Она отбивалась, не отпуская его ладонь.

– Пустите! Я без него не пойду!

– Женщина, вылезайте, машина сейчас взорвётся!

Её тащили. А Димка смотрел на неё и улыбался. Улыбался так, будто ничего страшного не происходит.

– Иди, Вер, – сказал он тихо. – Я сейчас.

– Нет! – она вцепилась в его руку изо всех сил. – Нет, нет, нет!

– Я люблю тебя, – сказал он.

И его пальцы разжались.

Она почувствовала этот момент – момент, когда его ладонь перестала сжимать её. Когда тёплая, живая рука стала просто куском плоти. Когда он ушёл.

Её вытащили. Оттащили. Она рвалась обратно, кричала, царапалась, но её держали. А машина горела. И Димка остался там.

Взрыв.

Огонь взметнулся до неба. И Веру накрыло тьмой.

*__Дежурка Гильдии. 04:15.__ *

Вера открыла глаза.

Она лежала на полу. Руки были в крови – она расцарапала их о линолеум, пока билась в припадке воспоминания. Или это просто показалось?

– Димка, – прошептала она в пустоту. – Почему ты отпустил?

Тишина. Только вентиляция гудит.

Вера села, привалившись спиной к стене. Холод ушёл. Вместо него пришла пустота – та самая, с которой она научилась жить десять лет назад. Пустота внутри, которую ничем не заполнить.

Она посмотрела на свою правую руку. Разжала пальцы. Сжала.

В тот день она поклялась себе: никогда больше не отпускать. Никого. Ни за что. Держать до последнего.

А потом стала проводником. И каждый день провожала души туда, где они должны быть. И каждый день отпускала. Снова и снова.

– Правило номер два, – сказала она вслух. – Не оглядывайся. Там ничего нет.

Но там был он. Всегда. Десять лет.

Вера поднялась, подошла к раковине, включила холодную воду. Умылась. Посмотрела в зеркало. Из зеркала на неё смотрела чужая женщина с красными глазами и серым лицом.

– Ты идёшь к нему, – сказала она себе. – Ты должна быть сильной. Ты должна быть проводником. Ты должна сделать то, что должна.

Женщина в зеркале кивнула.

Вера вернулась к койке. Фотография Дмитрия всё так же лежала на подушке. Она взяла её, посмотрела в его глаза.

– Я приду, – пообещала она. – И на этот раз я не отпущу.

Браслет на руке пульсировал синим, отсчитывая минуты до рассвета.

*__Северный пост Гильдии. 06:00.__ *

Вера стояла перед массивной металлической дверью, за которой начинался спуск в Сектор 7. Серая зона.

С ней был только рюкзак с минимальным набором артефактов и браслет на руке. Ни оружия, ни защиты. В Серой зоне оружие бесполезно. Там работает только воля и память.

– Готова? – спросил дежурный – молодой парень с испуганными глазами.

– Да.

– Вернёшься через…

– Я знаю процедуру. Открывай.

Дверь со скрежетом поползла в сторону. За ней была темнота. Никакого света, никакого звука. Просто чёрный провал.

Вера шагнула вперёд.

И мир исчез.

На секунду – на вечность – она повисла в пустоте. Ни тела, ни мыслей, ни времени. Только чистое сознание, парящее в нигде.

А потом появился свет.

Серый. Ровный. Бесконечный.

Вера открыла глаза и увидела Сектор 7.

Пустое пространство, уходящее во все стороны до горизонта. Ни земли, ни неба, ни стен. Только серый туман, стелющийся по невидимой поверхности, и редкие силуэты – обрывки воспоминаний, застывшие в вечности.

Где-то здесь был Дмитрий.

Вера сделала первый шаг.

И услышала голос:

– Здравствуй, солнце моё. Я ждал.

–

***Гильдия "Порог", лаборатория артефактов. 22:15.**

*

В лаборатории пахло озоном и старой бумагой. Вера стояла у бронированного стекла и смотрела, как в соседней комнате кипит работа. Три человека в защитных костюмах колдовали над металлическим столом, на котором лежал браслет. Тот самый.

– Красивая вещица, правда?

Вера обернулась. Рядом стоял высокий мужчина в белом халате – Сергей Николаевич Коваль, глава отдела разработ-

ки артефактов. В Гильдии его звали просто Кузнецом. Говорили, что он может выковать всё что угодно – от простого амулета от сглаза до устройства, способного удержать душу серийного убийцы.

– Красивая, – согласилась Вера. – И опасная.

– Опасная? – Кузнец усмехнулся. – Милая моя, это самый безопасный артефакт из тех, что я создавал. Он не причиняет боли. Не ломает волю. Просто… привязывает. Как поводок для собаки. Только очень умной собаки.

– А если собака не захочет идти на поводке?

Кузнец посмотрел на неё внимательно. У него были странные глаза – разного цвета. Левый – карий, правый – серый. Поговаривали, что это из-за того, что он слишком много работал с мёртвой энергией.

– Тогда поводок становится удавкой, – сказал он просто. – Ты это хотела услышать?

– Нет.

– Но знала, да? – Кузнец вздохнул. – Слушай, Волошина. Я не знаю, что у тебя за объект. Мне не докладывают. Но я вижу твои глаза. Ты идёшь за кем-то важным. За кем-то, кого не хочешь привязывать. Угадал?

Вера промолчала.

– Тогда слушай сюда. – Кузнец понизил голос. – Браслет активируется твоей волей. Ты просто хочешь, чтобы объект был рядом – и он окажется рядом. Но если объект сильнее тебя, если его воля крепче – он сможет разорвать связь. И

тогда браслет сработает как ловушка для тебя. Ты окажешься привязана к нему. Понимаешь?

– Понимаю.

– И всё равно идёшь?

– Иду.

Кузнец покачал головой.

– Храбрая. Или глупая. С этим артефактом ещё никто не работал. Ты первая.

Вера усмехнулась.

– Люблю быть первой.

***Комната выдачи артефактов. 23:40.** *

Процедура получения "Уз" заняла сорок минут. Сканирование ауры. Проверка ментальной совместимости. Калибровка частот. Вера сидела в кресле, утыканная датчиками, и смотрела на монитор, где плясали графики её мозговой активности.

– Расслабьтесь, – говорила медсестра в маске. – Чем спокойнее вы будете, тем точнее настройка.

Вера пыталась расслабиться. Получалось плохо.

Напротив неё, за стеклом, лежал браслет. Вблизи он выглядел иначе, чем издалека. Не просто металл – тёмное серебро с вкраплениями чего-то, напоминающего застывшую кровь. Руны, выгравированные по кругу, пульсировали слабым светом.

– Готово, – сказала медсестра. – Можете встать.

Вера подошла к столу. Кузнец протянул ей браслет.

– Надевай.

Она взяла его в руки. Тёплый. Почти горячий. Металл словно подстраивался под температуру тела.

– На левую руку, – подсказал Кузнец. – Ближе к сердцу.

Вера надела браслет на запястье.

И мир замер.

На секунду – всего на секунду – она услышала шёпот. Тысячи голосов, сливающихся в один. Они говорили на разных языках, но все повторяли одно:

*«Проводник… проводник… не отпускай… держи… не отпускай…» *

– Что это? – спросила она, когда шёпот стих.

– Эхо, – Кузнец пожал плечами. – Артефакт хранит память о всех, кого привязывали. Там внутри – сотни душ. Не бойся, они не могут выбраться. Это просто… отражения.

– Сотни душ?

– А ты думала, откуда берётся сила для таких штук? – Кузнец усмехнулся. – Всё имеет свою цену, Волошина. Каждый артефакт – это маленькая тюрьма. Но эти души уже не страдают. Они просто… есть. Как батарейки.

Вера посмотрела на браслет. Теперь он казался тяжелее.

– Я готова, – сказала она.

– Нет, – Кузнец покачал головой. – Ты готова технически. Но морально? Ты идёшь забирать душу. Это всегда тяжело.

А тут, судя по твоим глазам, что-то особенное. Поспи. Подумай. Завтра утром – выход.

– Мне не спится.

– Тогда иди в молельную. Или в комнату памяти. Там тихо. Подумаешь.

Вера кивнула и вышла.

***Комната памяти Гильдии. 00:15. ***

Комната памяти находилась в самом конце длинного коридора, за дверью без таблички. Сюда приходили проводники перед сложными заданиями. Чтобы вспомнить, зачем они это делают. Чтобы попрощаться с теми, кого уже не вернуть.

Внутри было темно. Только десятки свечей горели на маленьких полочках вдоль стен. Каждая свеча – чья-то память. Чья-то боль. Чья-то любовь.

Вера села на скамью в углу. Закрыла глаза.

– Это просто работа, – сказала она вслух. – Просто работа. Я проводник. Моя работа – провожать души. Он – душа. Я – проводник. Ничего личного.

Голос звучал фальшиво даже для неё самой.

– Десять лет, – продолжала она. – Десять лет я делала это сотни раз. Чужие мужья, чужие жёны, чужие дети. Я провожала их спокойно. Потому что они были чужие. А он…

Она замолчала.

Он не чужой. Он – часть её. Та часть, которую она пыта-

лась вырезать десять лет, но так и не смогла.

– Димка, – прошептала она. – Почему ты? Почему сейчас? Почему не дал мне забыть?

Свечи мерцали. Где-то далеко плакала женщина – наверное, тоже пришла прощаться.

Вера открыла глаза и посмотрела на браслет. Он пульсировал слабым синим светом в такт её сердцебиению.

– Я привяжу тебя, – сказала она. – Если придётся. Я сделаю это. Потому что это моя работа. Потому что если ты вырвешься в мир живых – будет катастрофа. Потому что я не могу позволить тебе остаться.

Глаза защипало. Она моргнула.

– Но я не хочу.

Последние слова упали в тишину комнаты и растворились без следа.

*__Дежурка Гильдии. 02:30.__ *

Вера лежала на койке и смотрела в потолок. Сон не шёл. В голове крутились мысли – бесконечный поток вопросов без ответов.

Что он скажет?

Почему не ушёл?

Почему ждал именно её?

И главное – что она сделает, когда увидит его?

Вера подняла левую руку. Браслет тускло светился в темноте. Она погладила его пальцами правой руки.

– Ты не просто артефакт, – сказала она ему. – Ты – моё обещание. Себе. Гильдии. Ему. Я сделаю то, что должна.

Браслет мигнул ярче – будто ответил.

– Знаешь, – продолжала Вера, – я никогда не верила в судьбу. Всю эту чушь про то, что всё предопределено. А теперь сижу здесь и думаю: может, это оно? Может, я для того и стала проводником, чтобы десять лет спустя прийти за ним? Может, это мой шанс…

Она не договорила. Шанс на что? Простить себя? Отпустить его навсегда? Или наоборот – удержать?

– Глупости, – оборвала она себя. – Нет никакой судьбы. Есть только работа. И правила.

Правило номер один: не верь глазам своим.

Правило номер два: не оглядывайся.

– Правило номер три, – сказала Вера в потолок. – Не думай сердцем. Сердце врёт.

Она повторила это три раза, как мантру. Закрыла глаза.

Через час зазвонит будильник. Через два она войдёт в Сектор. А пока – нужно поспать. Хотя бы попытаться.

***Северный пост Гильдии. 05:55. ***

Вера стояла перед массивной дверью. За спиной – рюкзак с минимальным набором. На руке – браслет, пульсирующий ровным синим светом.

Рядом стоял Наставник. Он пришёл проводить лично – случай почти беспрецедентный.

– Помни, – сказал он тихо. – Что бы он ни говорил, что бы ни обещал – ты должна помнить о главном. Он мёртв. Ты жива. Между вами – граница, которую нельзя переходить.

– Я помню.

– Хорошо. – Наставник помолчал. – Вера… я не имею права тебе это говорить, но… будь осторожна с "Узами". Если он сильнее, чем мы думаем, артефакт может не сработать. Или сработать не так, как надо.

– Кузнец уже предупреждал.

– Кузнец – теоретик. А я видел, как ломаются проводники, когда артефакты дают сбой. Не хочу, чтобы ты пополнила этот список.

Вера кивнула.

– Я вернусь. С ним или без него, но вернусь.

– Верь в это, – Наставник положил руку ей на плечо. – И ещё… там, в Серой зоне, время течёт иначе. Тебе может показаться, что прошла вечность. Не поддавайся. Держись за реальность. Запомни какой-нибудь якорь.

– Якорь?

– Что-то, что привязывает тебя к миру живых. Запах.

Вкус. Воспоминание. Что угодно, что напомнит: ты не там навсегда, ты вернёшься.

Вера задумалась. Что может стать якорем?

И вдруг поняла.

– У меня есть, – сказала она. – Его фотография. Я возьму её с собой.

– Хорошо. – Наставник улыбнулся одними уголками губ. – Иди.

Дверь открылась. За ней была тьма.

Вера шагнула вперёд.

И мир исчез.

***Сектор 7. Время неизвестно.** *

Серый туман клубился вокруг, скрывая горизонт. Вера стояла на невидимой поверхности и ждала.

Браслет на руке пульсировал часто, как сердце колибри. Он чувствовал цель.

– Дим, – позвала она. – Я здесь.

Тишина. Только туман шевелится, дышит, живёт своей жизнью.

– Я пришла, как ты просил. Выходи.

Ничего.

Вера сделала шаг вперёд. Потом ещё один. Браслет тянул её влево, в сторону, где туман был гуще.

– Ну давай же, – прошептала она. – Не играй со мной. Я

не для того шла через всё это, чтобы ты прятался.

И вдруг туман расступился.

Вера замерла.

В двух шагах от неё стоял Дмитрий. Живой. Настоящий. В той самой клетчатой рубашке, с той самой улыбкой.

– Здравствуй, солнце моё, – сказал он. – Я ждал.

Вера смотрела на него и не могла пошевелиться.

– Ты… – голос сорвался. – Ты правда здесь.

– Правда. – Он шагнул к ней. – Я всегда был здесь. Ждал тебя. Знал, что придёшь.

– Как? – выдохнула она. – Как ты мог знать?

Дмитрий улыбнулся – той самой улыбкой, от которой у неё когда-то подкашивались колени.

– Потому что ты никогда не бросаешь тех, кого любишь. Даже мёртвых.

Браслет на руке Веры вспыхнул ярко-синим.

– Я… – начала она.

– Тш-ш-ш, – Дмитрий приложил палец к губам. – Не сейчас. Потом. Сначала – просто постой со мной. Десять лет ждал, потерплю ещё минуту.

Вера стояла и смотрела на него.

А браслет пульсировал, отсчитывая время, оставшееся до того момента, когда ей придётся сделать выбор.

–

***Гильдия "Порог", Северный пост. 06:00.** *

Дверь за спиной Веры закрылась с лязгом, от которого за-

ложило уши. Этот звук был последним, что она слышала из мира живых.

Впереди была только тьма.

Вера стояла на пороге перехода и ждала. Каждый проводник знал: нельзя входить в Серую зону рывком. Нужно дать телу время привыкнуть, сознанию – перестроиться, душе – настроиться на другую частоту.

Она закрыла глаза и начала считать про себя.

Раз.

Свет погас окончательно. Не просто погас – исчез. Будто кто-то выключил не лампочку, а само понятие света. Вера перестала видеть даже собственные руки.

Два.

Звуки умерли. Последним ушло гудение вентиляции, которое сопровождало её всю ночь. На смену пришла тишина. Не та тишина, которая бывает в лесу или в пустой квартире. Абсолютная, всепоглощающая тишина, в которой слышно только собственное сердце.

Три.

Запахи исчезли. Пропал запах металла от двери, запах пыли от одежды, запах собственного тела. Воздух стал стерильным, как в операционной, но не холодным и не тёплым – никаким.

Четыре.

Вера перестала чувствовать вес собственного тела. Руки, ноги, голова – всё это осталось где-то там, за спиной. Здесь

было только сознание, чистое и лёгкое, как утренний туман.

Пять.

– Вход, – сказала она вслух.

И шагнула вперёд.

***Сектор 7. Время неизвестно.** *

Переход занял мгновение. Или вечность. В Серой зоне эти понятия не имели смысла.

Вера открыла глаза.

Она стояла посреди бескрайней серой равнины. Ни неба, ни земли, ни горизонта – просто пространство, уходящее во все стороны до бесконечности. Цвета не было. Только оттенки серого – от почти белого до почти чёрного.

Под ногами – серая поверхность, похожая на застывший туман. Она слегка пружинила, как резина, но не оставляла следов. Вера наклонилась, коснулась рукой – холодно, но не ледяной холод, а скорее отсутствие тепла.

– Красиво, – сказала она вслух.

Голос прозвучал глухо, будто из-под воды. И тут же растаял, не оставив эха.

Вера выпрямилась и огляделась. Вдалеке, насколько хватало глаз, виднелись какие-то силуэты. Они двигались медленно, плыли над поверхностью, не касаясь её. Души. Застрявшие между мирами.

Она достала из кармана маленький компас – не обычный,

а эфирный, настроенный на частоту Гильдии. Стрелка дрожала и показывала то в одну сторону, то в другую.

– Бесполезно, – вздохнула Вера и убрала компас.

В Серой зоне не работали обычные ориентиры. Здесь всё определялось только одним – волей.

Она подняла левую руку. Браслет пульсировал ровным синим светом – единственное пятно цвета в этом сером мире. Свет вырывался из-под рун и разбегался по металлу тонкими нитями.

– Ну, веди, – сказала Вера браслету.

И пошла туда, куда тянуло сильнее всего.

Шаг. Ещё шаг. Ещё.

Время здесь текло иначе. Вера не знала, сколько прошло – минута, час, день? Она просто шла, и серый туман клубился вокруг, скрывая и без того невидимый горизонт.

Иногда мимо проплывали души. Они не замечали её или делали вид, что не замечают. Одни выглядели как люди – мужчины, женщины, дети. Другие – как смутные тени, в которых с трудом угадывались человеческие очертания. Третьи – просто сгустки тьмы, пульсирующие в такт неведомому ритму.

– Здравствуйте, – сказала Вера одной из душ – женщине в длинном платье, стоящей неподвижно, как статуя.

Женщина не ответила. Даже не повернулась.

– Она не слышит, – раздался голос справа.

Вера обернулась. Рядом стоял мальчик лет десяти. Прозрачный, как утренний туман, с огромными глазами, в которых плескалась серая муть.

– Почему? – спросила Вера.

– Она спит, – мальчик пожал плечами. – Многие здесь спят. Это легче, чем ждать.

– Ждать чего?

Мальчик посмотрел на неё удивлённо.

– Тебя. Проводника. Ты же проводник, да? Я сразу понял. От тебя пахнет жизнью. И светом.

Вера улыбнулась.

– А ты почему не спишь?

– Я жду маму, – просто сказал мальчик. – Она обещала прийти. Сказала: «Костик, я скоро». И ушла. А я жду.

Сердце Веры сжалось.

– Сколько ты ждёшь, Костик?

Мальчик задумался.

– Не знаю. Здесь время не считается. Но ёлка была. Много раз. Я считал ёлки. Семнадцать.

Семнадцать лет. Мальчик ждал мать семнадцать лет, а она всё не приходила. Или пришла, но не нашла его. Или прошла мимо, не заметив.

– Костик, – мягко сказала Вера. – Твоя мама… она могла уйти дальше. В свет. Понимаешь?

– Понимаю, – мальчик кивнул. – Мне другие говорили.

Но она обещала. А обещания надо выполнять.

Вера присела на корточки, чтобы быть с ним на одном уровне.

– Слушай, я сейчас занята. Мне нужно найти одного человека. Но когда я закончу, я вернусь к тебе. И мы вместе пойдём искать твою маму. Хорошо?

Глаза мальчика вспыхнули – в прямом смысле. В них зажглись две крошечные искорки.

– Правда?

– Правда. Только ты пока не спи, ладно? Жди меня здесь.

– Я подожду. – Костик улыбнулся. – А кого ты ищешь?

– Дядю Диму. Он… – Вера запнулась. – Он мой муж.

– Муж – это который любит?

– Да. Который любит.

– Тогда иди быстрее, – Костик махнул рукой в сторону, где туман был гуще. – Туда. Там один дядя стоит давно. Он не спит, он всё время смотрит в одну сторону. Может, это твой?

Вера поднялась.

– Спасибо, Костик.

– Не за что. Только… проводник?

– Да?

– А там, за светом… там хорошо?

Вера посмотрела на мальчика. На его прозрачное лицо, на глаза, в которых теплилась надежда.

– Там очень хорошо, – сказала она. – Там нет серости. Там

цвета. Много цветов. И тепло. И все, кого ты любишь.

– Даже если они тебя забыли?

– Никто никого не забывает, Костик. Там помнят всех.

Мальчик кивнул и растаял в тумане. А Вера пошла туда, куда он показал.

С каждым шагом серый мир вокруг менялся. Туман густел, воздух становился тяжелее, дышать – труднее. Браслет на руке пульсировал всё быстрее, синий свет становился ярче.

– Близко, – прошептала Вера. – Ты близко.

Она шла, и время текло мимо. Или не текло вовсе. Здесь, в Серой зоне, прошлое и будущее смешались в одно бесконечное настоящее.

Иногда ей казалось, что она слышит голоса. Знакомые. Родные. Голос матери, умершей пять лет назад. Голос бабушки, которую она почти не помнила. Голоса друзей, ушедших слишком рано.

– Не слушай, – сказала она себе. – Правило номер один: не верь глазам своим. И ушам тоже.

Голоса стихли.

Иногда перед ней возникали видения. Картины из прошлого. Она видела себя маленькой девочкой, бегущей по летнему лугу. Видела себя в день свадьбы, в белом платье, счастливую до безумия. Видела себя в машине, за секунду

до удара.

– Не оглядывайся, – шептала она. – Правило номер два: не оглядывайся.

Видения таяли.

Иногда её накрывало желание остановиться. Лечь на эту серую поверхность и уснуть, как те души, что спали вечным сном. Просто перестать идти, перестать бороться, перестать чувствовать.

– Не смей, – говорила она себе. – Ты живая. Ты вернёшься.

И шла дальше.

И вдруг туман расступился.

Вера остановилась как вкопанная.

Перед ней было море. Серое, бескрайнее, с волнами, которые накатывали на серый берег и исчезали без следа. А на берегу, на самом краю, где волны касались серого песка, стоял человек.

Вера узнала бы эту спину из тысячи. Широкие плечи, чуть сутулые, как у всех высоких людей. Руки в карманах. Голова чуть наклонена вбок – он всегда так стоял, когда о чём-то задумывался.

– Дим, – позвала она.

Голос прозвучал тихо, почти неслышно.

Человек обернулся.

И время остановилось окончательно.

Дмитрий смотрел на неё. Те же глаза, тот же разрез, те же веснушки на носу. Только взгляд другой. Глубже. Тяжелее. Мудрее.

– Здравствуй, Вер, – сказал он.

Голос был таким же, как десять лет назад. Низкий, чуть хрипловатый, с нотками смеха, которые никогда не исчезали даже в серьёзные моменты.

Вера стояла и молчала. Тысячу раз она репетировала эту встречу. Тысячу раз думала, что скажет. И теперь, когда он стоял перед ней, все слова исчезли.

– Ты… – начала она и осеклась.

– Я знаю, – Дмитрий улыбнулся. – Я мёртв. Ты жива. Между нами граница. Всё правильно. Но я так рад тебя видеть.

Он сделал шаг к ней. Потом ещё один. Остановился в полуметре.

– Можно? – спросил он, протягивая руку.

Вера кивнула, не в силах говорить.

Его пальцы коснулись её щеки. Они были прохладными, но не холодными. Почти живыми.

– Ты плачешь, – сказал он тихо.

Вера коснулась своего лица. Щеки были мокрыми. Она и не заметила, когда начала плакать.

– Димка, – выдохнула она. – Как? Почему? Зачем?

– Много вопросов, – он улыбнулся той самой улыбкой. – Я

отвечу на все. Обещаю. Но сначала – дай я на тебя посмотрю.

Он отступил на шаг и окинул её взглядом с головы до ног.

– Красивая, – сказал он. – Ещё красивее, чем была. Взрослая. Сильная. Я горжусь тобой.

– Чем гордиться? – Вера вытерла слёзы рукавом. – Я просто делаю свою работу.

– Ты спасаешь души. Ты даёшь им покой. Это не просто работа. Это призвание.

– А ты? – Вера посмотрела ему в глаза. – Ты почему не уходишь? Тебя ждут. Там, за светом.

Дмитрий опустил глаза.

– Знаю, – сказал он тихо. – Но я не могу.

– Почему?

– Потому что я должен тебе кое-что сказать. И кое о чём попросить.

Он поднял на неё глаза, и Вера увидела в них то, чего не ожидала увидеть в глазах мёртвого. Боль. Настоящую, живую боль.

– Моя смерть не была случайностью, Вер. Меня убили.

Время замерло окончательно.

– Что? – переспросила Вера.

– Меня убили, – повторил Дмитрий. – И убийца до сих пор жив. Он в Гильдии. Он охотится за тобой.

Браслет на руке Веры вспыхнул ярко-синим, разрывая серую мглу.

– Кто? – спросила она.

Дмитрий посмотрел ей за спину.

– Он уже здесь.

Вера резко обернулась.

В трёх шагах от неё стоял Наставник. Только не тот Наставник, которого она знала. Другой. Чёрный. Злой. С глазами, горящими красным огнём.

– Здравствуй, Вера, – сказал он голосом, полным льда. – Давно не виделись.

–

Глава 7. Встреча

***Сектор 7. Серое море. Время остановилось.** *

Вера обернулась на голос Дмитрия и замерла.

Наставник исчез. Красноглазая тень растаяла, как утренний туман под солнцем. Вокруг снова была только серая бесконечность и Дмитрий, стоящий в двух шагах.

– Призраки Серой зоны, – пояснил он, перехватив её взгляд. – Они питаются страхом. Показывают самое страшное, что есть в твоей душе. Ты боишься Наставника?

– Я никого не боюсь, – автоматически ответила Вера.

– Врёшь, – Дмитрий улыбнулся. – Ты всегда врала, когда боялась. Я же тебя знаю.

Вера хотела возразить, но слова застряли в горле. Потому что он был прав. Он всегда был прав.

Она смотрела на него и не могла насмотреться.

Дмитрий выглядел точно так же, как в день смерти. Та же клетчатая рубашка с закатанными рукавами. Те же джинсы,

выгоревшие на коленях. Те же веснушки на носу, которые она так любила целовать. Даже часы на левой руке – те самые, командирские, которые он носил не снимая.

– Ты не меняешься, – сказала она тихо.

– А ты изменилась, – ответил он. – Повзрослела. Похудела. Под глазами тени – мало спишь? И волосы короче. Раньше ты носила длинные.

– Удобнее так. В работе.

– Понимаю.

Они стояли друг напротив друга, и между ними было десять лет разлуки, десять лет боли, десять лет вопросов без ответов.

– Дим, – Вера шагнула к нему. – Как ты здесь оказался? Почему не ушёл? Я же знаю, ты видел свет. Все видят.

– Видел, – кивнул он. – Сразу после аварии. Я помню: темнота, потом свет, такой тёплый, манящий. И мама там стояла. Помнишь мою маму?

– Помню.

– Она звала меня. Руку протянула. А я… я не пошёл.

– Почему?

Дмитрий опустил глаза.

– Потому что ты осталась там. В той машине. Ты кричала, звала меня. И я подумал: как я могу уйти, если ты там? Если ты одна?

– Но я выжила, – Вера чувствовала, как к горлу подступает ком. – Я вылезла. Меня вытащили.

– Я знаю. Я видел. – Он поднял глаза. – Всё видел. Как тебя оттаскивали. Как ты рвалась обратно. Как кричала. А потом взрыв, и я… я потерял тебя из виду. На миг. А когда снова увидел – ты уже была в больнице. И рядом с тобой сидел тот парень. Ну, который потом…

– Коля? – Вера нахмурилась. – Коля-медбрат?

– Он самый. – Дмитрий улыбнулся, но в глазах мелькнула тень. – Я тогда страшно разозлился. Думал: пока я тут болтаюсь непонятно где, какой-то тип к моей жене подкатывает. А потом понял, что это глупо. Ты живая. Тебе нужно жить дальше. А я…

Он замолчал.

– Что?

– А я не мог уйти. Пытался. Честно. Сто раз подходил к свету. Сто раз видел маму. А она говорила: «Иди, сынок, тебя ждут». Но я не мог. Что-то держало.

– Что?

– Ты, – просто сказал Дмитрий. – Не то чтобы я тебя держал. Это я тебя держался. За память. За любовь. За всё, что между нами было. И чем дальше, тем сильнее становилась эта связь. Я начал видеть тебя. Не просто вспоминать – видеть. Каждый твой день. Каждую твою ночь. Каждую слезу.

Вера вздрогнула.

– Ты видел меня?

– Всё. Как ты пришла в Гильдию. Как училась. Как плакала по ночам, думая, что никто не видит. Как вставала и шла

дальше. Я гордился тобой, Вер. Каждый день гордился.

– Это… – Вера не находила слов. – Это невозможно. Души не видят мир живых.

– Обычные – нет. А я, видимо, не обычный. – Дмитрий усмехнулся. – Или любовь делает нас особенными. Даже после смерти.

Он протянул руку и коснулся её плеча. Вера почувствовала прохладу, но не холод. Скорее лёгкий ветерок.

– Ты настоящий, – прошептала она. – Ты правда здесь.

– Правда.

– И ты не уйдёшь?

– Не уйду, – он покачал головой. – Пока не скажу то, что должен. Пока не попрошу то, что должен. А после… после решим.

– Что решим?

– Ты решишь. – Дмитрий убрал руку. – Ты проводник. Твоя работа – провожать. Даже если это я. Я не буду сопротивляться, если ты скажешь, что так надо. Но сначала выслушай меня. Пожалуйста.

Вера смотрела на него и чувствовала, как внутри разрывается что-то важное. То, что она десять лет собирала по кусочкам, склеивала, лечила. Он стоял перед ней – живой, настоящий, любимый – и просил выслушать.

А на руке пульсировал браслет. "Узы". Оружие против него. Инструмент принуждения.

– Хорошо, – сказала она. – Я слушаю.

Они сели на серый песок у края серого моря. Волны накатывали и исчезали, не оставляя следов. Где-то далеко, в серой мгле, проплывали тени – другие души, застрявшие в вечности.

– Красиво здесь? – спросил Дмитрий.

– Страшно, – честно ответила Вера. – Я была в Секторах много раз. Но здесь… здесь как-то особенно пусто.

– Это потому что граница. Здесь ближе всего к миру живых. И дальше всего от света. Ни туда, ни сюда. Чистилище.

– Ты тут десять лет? Один?

– Не совсем один. – Дмитрий кивнул в сторону проплывающих теней. – Они приходят и уходят. Некоторые остаются подольше. Мы даже разговариваем иногда. Но они все спят. Или ждут. А я…

– Ты ждал меня.

– Я ждал тебя. – Он повернулся к ней. – И дождался. Знаешь, когда я понял, что ты придёшь? Года три назад. Ты брала сложное дело – помнишь того маньяка, который убивал детей?

– Помню. – Вера поморщилась. – Мерзкое дело.

– Ты тогда чуть не погибла. Он, уже мёртвый, пытался утащить тебя за собой. А ты вырвалась. Вырвалась и проводила его сама. Я смотрел на это и думал: вот она какая, моя Вера. Сильная. Смелая. Ни перед чем не остановится. И тогда я

понял: она придёт. Рано или поздно, но придёт. Потому что я – её незаконченное дело.

– Ты не дело, – возразила Вера. – Ты…

– Кто?

Она замолчала.

– Я знаю, – тихо сказал Дмитрий. – Я твоя боль. Твоя вина. Твоё прошлое, которое не отпускает. Я всё это знаю. Но ещё я – твоя любовь. И это главное.

Вера отвернулась, чтобы он не видел её глаз.

– Зачем ты позвал меня, Дим? Зачем заставил этих проводников передать, что ждёшь только меня?

– Потому что я должен рассказать тебе правду. О своей смерти. О том, кто в этом виноват. И о том, кто сейчас охотится за тобой.

– Ты уже говорил про убийцу. – Вера повернулась к нему. – Кто это?

Дмитрий посмотрел ей в глаза.

– Ты готова услышать?

– Да.

– Тот джип, который подрезал нас на трассе. Я успел заметить номер. Запомнил его. И лицо водителя мелькнуло – краем глаза, но запомнил. А потом, когда я уже был здесь, я начал смотреть. Учиться видеть мир живых. И я увидел его.

– Кого?

– Он в Гильдии, Вер. Высокий пост. Доступ к архивам. К артефактам. К информации о проводниках. Он знал, что мы

будем на той трассе. Знал, что я – твой муж. И знал, что если я умру, ты…

– Что я?

– Ты сломаешься. И станешь удобной. Управляемой. Он хотел завербовать тебя. Сделать своей марионеткой. Но ты не сломалась. Ты стала сильнее. И теперь он охотится за тобой. Чтобы использовать или уничтожить.

Вера слушала и не верила.

– Это невозможно, – сказала она. – Гильдия – наша семья. Мы доверяем друг другу. Наставник…

– Наставник тут ни при чём. – Дмитрий покачал головой. – Он хороший человек. Я за ним наблюдал. Он правда заботится о вас. Но есть другие. Те, кто пришёл в Гильдию не спасать души, а использовать их.

– Кто? Назови имя.

Дмитрий молчал.

– Я не могу, – наконец сказал он. – Потому что если назову, ты пойдёшь на него сразу. А ты не готова. Он слишком силён. Слишком много связей. Ты должна подготовиться.

– Дим!

– Нет. – Он встал. – Я не для того тебя десять лет ждал, чтобы ты сейчас сорвалась и погибла. Сначала – доверие. Ты должна поверить мне. А потом – план. Мы разработаем план. Вместе.

Вера тоже встала.

– Ты предлагаешь мне оставить тебя здесь? Вернуться в

мир живых и делать вид, что ничего не случилось?

– Да.

– А если я не вернусь? Если останусь с тобой?

– Тогда он победит, – просто сказал Дмитрий. – И ты никогда не узнаешь правду. И никогда не отомстишь за меня. Если тебе нужна месть, конечно.

– Мне нужна справедливость.

– Одно и то же, – Дмитрий улыбнулся. – Ты всегда была максималисткой, Вер. Либо всё, либо ничего.

Они стояли друг напротив друга. Волны накатывали на серый берег и исчезали. Время текло мимо.

– Я не хочу тебя отпускать, – сказала Вера. – Снова.

– Я знаю. – Дмитрий взял её за руку. – Но придётся. Ради правды. Ради нас. Ради того, что было и что ещё может быть.

– Что может быть? Мы оба знаем: я жива, ты мёртв. Между нами граница.

– Границы созданы, чтобы их пересекать. – Он поднёс её руку к губам и поцеловал. Прохладные губы коснулись кожи, и по телу Веры побежали мурашки. – Я найду способ. Мы найдём способ. Только поверь мне.

– Я верю, – прошептала она. – Всегда верила. Только…

– Что?

– Браслет, – Вера подняла левую руку. – Мне дали его, чтобы принудительно отправить тебя в переход. Если я не сделаю этого, меня могут отстранить. Или хуже.

Дмитрий посмотрел на браслет. Синий свет пульсировал

в такт её сердцу.

– Красивая вещь, – сказал он. – Но слабая. Я сильнее.

– Ты уверен?

– Уверен. Я десять лет учился выживать здесь. Я знаю это место лучше, чем любой живой. И лучше, чем любой мёртвый. Я не дам себя забрать. Если ты сама не захочешь.

– Я не хочу, – быстро сказала Вера.

– Тогда не захочешь. – Он улыбнулся. – А теперь иди. Возвращайся. Скажи им, что я отказался идти на контакт. Что ты не смогла. Пусть думают, что я агрессивный и опасный. Так будет лучше.

– А ты?

– А я буду ждать. Сколько надо. Ты теперь знаешь, где меня найти. Придёшь, когда будешь готова.

Вера смотрела на него и не могла сделать шаг.

– Я не хочу уходить, – сказала она.

– Надо. – Дмитрий коснулся её щеки. – Иди. Я с тобой. Всегда. Даже когда не видишь.

Она кивнула, сглотнув ком в горле.

– Я вернусь, – пообещала она. – Обязательно вернусь.

– Знаю, солнце моё. Знаю.

Вера сделала шаг назад. Потом ещё один. Дмитрий стоял на берегу серого моря и смотрел на неё. Такой родной, такой любимый, такой невозможный.

– Дим! – крикнула она уже издалека. – Я люблю тебя!

– Я знаю! – крикнул он в ответ. – Я тоже!

Серая мгла сомкнулась вокруг неё, скрывая его лицо.

А браслет на руке вдруг перестал пульсировать и погас.

***Гильдия "Порог", Северный пост. 06:03? 06:05? Время не определено.** *

Вера открыла глаза.

Она стояла в тамбуре перехода. Дверь за спиной была закрыта. Вентиляция гудела привычно. Пахло металлом и пылью.

– Сколько меня не было? – спросила она у дежурного.

Тот посмотрел на часы, потом на неё удивлённо.

– Три минуты, – сказал он. – Ты зашла, и сразу вышла. Что-то случилось?

– Ничего, – Вера покачала головой. – Всё в порядке.

Она посмотрела на левую руку.

Браслет был тёплым, но тёмным. Ни огонька, ни пульсации.

– Три минуты, – повторила она про себя. – А там прошла вечность.

Она вышла из тамбура и направилась к Наставнику – докладывать.

Но в голове звучал только один голос:

*«Я буду ждать. Сколько надо. Придёшь, когда будешь готова.» *

– Приду, – пообещала она тихо. – Обязательно приду.

–

***Сектор 7. Берег серого моря. Время остановилось.**

*

Вера стояла напротив Дмитрия и чувствовала, как внутри неё борется всё: любовь и долг, память и работа, сердце и правила.

– Присядем? – Дмитрий указал на серый песок у своих ног. – Разговор будет долгим.

Вера машинально сделала шаг вперёд – и замерла.

Правило номер три.

Оно всплыло в памяти голосом Наставника, каким-то невероятным эхом прозвучало сквозь годы тренировок и сотни проведённых душ.

*«Запомни, Вера. Мёртвые всегда предлагают что-то живым. Место. Еду. Воду. Помощь. Никогда не принимай. Потому что каждый дар от мёртвого – это нить. Нить, которая привязывает тебя к их миру. С каждым принятым даром ты становишься чуть меньше живой и чуть больше мёртвой». *

– Я постою, – сказала Вера, останавливаясь.

Дмитрий удивлённо поднял бровь.

– Устала небось с дороги? – спросил он. – Переход всегда выматывает. Садись, отдохни.

– Спасибо, я постою.

Он посмотрел на неё внимательно, и в глазах мелькнуло понимание.

– А, правило третье, – кивнул он. – «Не принимай дары

от мёртвых». Я помню. Ты мне рассказывала, когда только начинала учиться. Ещё до всего этого. Помнишь?

Вера помнила. Тот вечер, уютную кухню в их маленькой квартире, чай с мятой и её восторженные рассказы о том, чему её учат в Гильдии. Димка тогда смеялся и говорил: «Ну какие дары от мёртвых? Они ж бедненькие, у них ничего нет». А она объясняла, что дар – это не вещь. Это жест. Внимание. Забота. Всё, что создаёт связь.

– Помню, – тихо сказала она.

– Я не пытаюсь тебя привязать, Вер, – Дмитрий поднял руки в примирительном жесте. – Честно. Просто хочу, чтобы тебе было удобно.

– Мне удобно стоять.

Он вздохнул.

– Какая же ты стала… колючая. Раньше ты была мягче.

– Раньше я была другой. Раньше ты был жив.

Слова повисли в воздухе тяжёлым грузом. Дмитрий опустил глаза.

– Прости, – сказал он тихо. – Я не хотел… Я понимаю. Ты права. Ты во всём права. Просто… я так долго тебя ждал. Мечтал об этой встрече. Думал, мы сядем, поговорим, как раньше. Забудем хоть на миг, что между нами.

– Между нами смерть, Дим. Её не забудешь.

– Знаю. – Он поднял на неё глаза. – Знаю, солнце. Прости.

Вера смотрела на него и чувствовала, как внутри тает лёд, который она десять лет выращивала вокруг сердца. Этот го-

лос. Эти глаза. Эта маска виноватости, за которой всегда пряталась бесконечная нежность.

– Ладно, – выдохнула она. – Я сяду. Но только потому, что ноги действительно гудят. И это не твой дар. Это моё решение.

– Хорошо, – быстро согласился Дмитрий. – Твоё решение.

Она опустилась на серый песок. Он был прохладным, но не холодным – скорее нейтральным, как всё в этом мире. Поверхность слегка пружинила под тяжестью тела.

Дмитрий сел рядом. Ближе, чем разрешало приличие. Ближе, чем позволяли правила. Но Вера не отодвинулась.

– Рассказывай, – сказала она. – Всё. С самого начала.

Он говорил долго. Время здесь не имело значения, поэтому Вера не знала, сколько прошло – минуты, часы, дни. Она слушала и смотрела на него, и перед глазами проходила его смерть, его посмертие, его десять лет одиночества.

Он рассказал, как очнулся в Серой зоне сразу после аварии. Как не понял сначала, что умер – просто подумал, что в больнице, и всё как-то серо и странно. Как увидел мать, зовущую в свет, и как рванулся к ней, но что-то остановило.

– Ты, – сказал он. – Твой крик. Я услышал его даже сквозь свет. Ты звала меня. И я не смог уйти.

Он рассказал, как учился существовать здесь. Как понял, что время течёт иначе. Как научился смотреть в мир живых

– сначала урывками, потом всё дольше и дольше. Как видел её первые дни в Гильдии, её слёзы по ночам, её попытки забыться в работе.

– Я хотел крикнуть тебе: «Я здесь, я рядом!» Но ты не слышала. Никто не слышал. Я был как стекло – вроде есть, а вроде и нет.

Он рассказал, как однажды понял, что может влиять на мир живых. Совсем чуть-чуть. Сдвинуть чашку. Создать сквозняк. Заставить цветок покачнуться. Он делал это, когда Вера была совсем плоха – чтобы она знала: кто-то есть рядом.

– Ты думала, это ветер, – улыбнулся он. – А это был я.

Он рассказал, как заметил слежку. Как понял, что кто-то из Гильдии интересуется Верой. Как начал наблюдать за этим человеком и узнал страшное.

– Тот джип, – голос Дмитрия стал жёстче. – Я видел его снова. Через год после аварии. Водитель пришёл в Гильдию. Я узнал его по походке, по жестам. Он занимает высокий пост, Вер. Очень высокий. У него доступ к артефактам, к информации, к тайным операциям.

– Кто? – Вера сжала кулаки. – Назови имя.

– Не могу. – Дмитрий покачал головой. – Если скажу сейчас, ты пойдёшь на него. А он сильнее. У него артефакты, которых ты не знаешь. У него связи, о которых ты не догадываешься. Он убьёт тебя, Вер. Или сделает хуже – использует.

– Я не боюсь.

– А я боюсь. – Он взял её за руку. – Я боюсь за тебя. Я десять лет ждал, чтобы предупредить. Не для того, чтобы ты погибла через пять минут после встречи.

Вера смотрела на их переплетённые пальцы. Его рука была прохладной, но ощущалась почти как живая.

– Хорошо, – сказала она. – Не сейчас. Но потом ты скажешь.

– Обещаю.

Они замолчали. Волны накатывали на серый берег и исчезали. Где-то далеко проплывали тени – души, застрявшие в вечности.

– Дим, – сказала Вера после долгой паузы. – Я должна тебя кое о чём попросить.

– О чём?

Она подняла левую руку. Браслет тускло пульсировал синим.

– Это "Узы", – сказала она. – Артефакт, который привязывает душу к проводнику. Мне дали его, чтобы в случае отказа… чтобы я могла забрать тебя силой.

Дмитрий посмотрел на браслет. Без страха. Без злости. Просто с интересом.

– Красивая работа, – заметил он. – Чей?

– Кузнеца.

– Он умеет. – Дмитрий коснулся браслета пальцем. Металл под его прикосновением вспыхнул ярче и сразу погас. – Но слабовато. Слишком общая настройка. На всех душ –

один шаблон. А я не все.

– Что ты имеешь в виду?

– Я особенный, Вер. – Он улыбнулся. – Десять лет в Серой зоне не прошли даром. Я научился многому. Например, защищаться от таких штук.

– Ты можешь его отключить?

– Я могу сделать так, что он никогда не сработает против меня. Хочешь, покажу?

Вера колебалась. Часть её – та, что была проводником – требовала активировать браслет немедленно. Выполнить задание. Забрать душу. Закончить эту историю.

Другая часть – та, что любила его десять лет и будет любить ещё сто – хотела только одного: чтобы он был рядом.

– Покажи, – сказала она.

– Тогда попробуй активировать.

Вера закрыла глаза. Сосредоточилась. Представила, как воля течёт по руке в браслет, как активирует руны, как создаёт поле притяжения.

Ничего.

Она попробовала ещё раз. Сильнее. Напряглась вся, до дрожи.

Браслет даже не мигнул.

– Не работает, – выдохнула она.

– Я знаю, – Дмитрий улыбнулся. – Я блокирую его. Просто находясь рядом. Моя воля сильнее его программы.

Вера открыла глаза.

– Ты можешь контролировать артефакты?

– Некоторые. Те, что работают на прямой волевой связи. "Узы" – как раз такие. Они подчиняются тому, у кого сильнее воля. У проводника – воля живая, но рассеянная. У меня – мёртвая, но сконцентрированная десятью годами одиночества. Я сильнее.

Вера смотрела на него и видела – впервые по-настоящему – не того Димку, которого знала. А кого-то другого. Сильного. Опасного. Мёртвого.

– Ты изменился, – тихо сказала она.

– Я умер, – поправил он. – Это меняет.

Они сидели на сером песке, и между ними снова возникла стена. Тонкая, почти незаметная, но она была.

– Что мне делать, Дим? – спросила Вера. – Я не могу вернуться и сказать, что не справилась. Меня отстранят. Пошлют кого-то другого. Кто-то другой придёт сюда с более сильным артефактом. Или с оружием.

– Я не пущу.

– Ты не сможешь защищаться вечно. Рано или поздно они пришлют отряд. Спецсредства. Боевых магов. Тебя сотрут, Дим. Просто сотрут в пыль.

– Пусть попробуют.

– Не будь дураком! – Вера вскочила. – Ты не представляешь, на что способна Гильдия! Они уничтожали души и посильнее тебя!

Дмитрий тоже встал. Спокойно, медленно.

– Я знаю, на что они способны, – сказал он. – Я десять лет за ними наблюдал. Я видел, как они "утилизируют" неугодных. Как стирают память. Как ломают волю. Я знаю всё, Вер. И поэтому я не пущу их к себе.

– А меня пустил.

– Ты – другое. Ты – моя.

Эти слова ударили под дых. Простые, без пафоса, сказанные так, как он говорил всегда – уверенно и нежно одновременно.

– Дим…

– Я знаю, что прошу многого, – перебил он. – Я знаю, что ставлю тебя между долгом и любовью. Между работой и мной. Это нечестно. Но у меня нет выбора. Ты – единственная, кому я могу доверять. Единственная, кто не предаст.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что ты – это ты. – Он шагнул к ней. – Потому что ты десять лет носила мою фотографию в сердце. Потому что ты плакала по ночам, думая, что никто не видит. Потому что ты до сих пор не сняла кольцо.

Вера машинально коснулась левой руки. Обручальное кольцо было на месте. Тонкое, золотое, с гравировкой внутри. «Вместе навсегда».

– Я не могла, – прошептала она.

– Я знаю, солнце. Я знаю.

Они стояли друг напротив друга. Близко. Очень близко. Вера чувствовала прохладу, исходящую от него, и странный

запах – незнакомый, но почему-то родной. Запах вечности.

– Я не могу тебя забрать, – сказала она. – И не могу оставить здесь. Что мне делать?

Дмитрий взял её лицо в ладони. Прохладные пальцы коснулись щёк, висков, губ.

– Иди, – сказал он. – Возвращайся в Гильдию. Делай вид, что всё в порядке. Расследуй тайком. А когда будешь готова – вернёшься. Я буду ждать.

– А если они пошлют кого-то другого?

– Я справлюсь. – Он улыбнулся. – Я сильнее, чем кажусь. И у меня есть стимул.

– Какой?

– Ты.

Вера закрыла глаза. На секунду ей показалось, что она чувствует его губы на своих губах. Тёплые, живые, как тогда, десять лет назад.

Но когда открыла глаза – он стоял в шаге, не приближаясь.

– Иди, – повторил он. – Время выходит.

– Откуда ты знаешь?

– Браслет, – он кивнул на её руку. – Он скоро перезагрузится. Я не могу блокировать его вечно. Когда он включится снова, он зафиксирует моё присутствие и передаст сигнал в Гильдию. Если ты будешь рядом в этот момент – тебя заподозрят.

– Сколько у меня времени?

– Минута. Может, две.

Вера шагнула к нему. Обняла. Прижалась изо всех сил. Он обнял в ответ – крепко, по-настоящему.

– Я вернусь, – прошептала она ему в плечо. – Обязательно вернусь.

– Я знаю, солнце. Я знаю.

Она отстранилась. Посмотрела в его глаза. В них не было слёз – мёртвые не плачут. Но была такая любовь, что у неё защемило сердце.

– До встречи, Дим.

– До встречи, Вер.

Она развернулась и пошла прочь от серого моря. Быстро, почти бегом. Не оглядываясь. Правило номер два.

За спиной слышался только шум волн, накатывающих на серый берег и исчезающих без следа.

*__Гильдия "Порог", Северный пост. Время выхода: +3 минуты от входа.__ *

Вера открыла глаза в тамбуре перехода.

Браслет на руке пульсировал ярко-синим. Потом мигнул – и погас совсем.

Дежурный смотрел на неё удивлённо.

– Что-то случилось? – спросил он. – Ты какая-то бледная.

– Всё в порядке, – автоматически ответила Вера. – Объект не пошёл на контакт. Придётся готовить второй выход.

– Понял. Ты к Наставнику?

– Да.

Она вышла из тамбура и направилась по коридору. Ноги гудели – там, в Серой зоне, она прошла километры, хотя здесь прошло всего три минуты.

На левой руке браслет молчал. Но под ним, на коже, горело что-то другое.

Вера остановилась у зеркала в коридоре и закатала рукав.

На запястье, там, где браслет касался кожи, проступил едва заметный рисунок. Тонкие линии, складывающиеся в слова.

Почерком Дмитрия.

*«Я с тобой». *

Вера быстро опустила рукав.

– Правило номер три, – прошептала она. – Не принимай дары от мёртвых.

Но этот дар она приняла. И спрятала в самое сердце.

–

Сектор 7. Берег серого моря. Время, которого нет.

*

– Ты не плакала на моей могиле, – сказал Дмитрий.

Вера вздрогнула. Они сидели на сером песке, глядя на бескрайнее море, и разговор качнулся в сторону, куда она не хотела идти.

– Откуда ты…

– Я же говорил: я видел. – Он повернулся к ней. – Всё видел. Как хоронили. Как мать моя рыдала, как отец стоял

каменный, как друзья напились потом и говорили, какой я был хороший. А ты не плакала.

Вера молчала.

– Я тогда испугался, – продолжал Дмитрий. – Думал: неужели разлюбила? Неужели всё было не так серьёзно? Лежу в гробу, смотрю на тебя через этот дурацкий серый туман и думаю: «Вер, ну заплачь же! Хоть слезинку! Дай мне знать, что тебе не всё равно!»

– Мне не всё равно, – тихо сказала Вера.

– Теперь знаю. А тогда… тогда я с ума сходил. Прямо там, в Серой зоне, хотя куда уж больше. Думал: может, она рада, что я умер? Может, у неё кто-то есть? Может, я ей мешал?

– Дим…

– Подожди, – он поднял руку. – Дай скажу. Я десять лет это в себе носил. Десять лет хотел спросить. Почему ты не плакала, Вер?

Она посмотрела на него. На его лицо, такое родное, такое любимое. И решилась сказать правду.

– Потому что если бы я начала плакать, я бы не остановилась. – Голос дрогнул, но она справилась. – Я знала: стоит мне дать волю слезам, и я развалюсь на куски. А разваливаться было нельзя. Ты бы этого не хотел.

Дмитрий молчал, вглядываясь в её лицо.

– Я встала утром после похорон, – продолжала Вера. – Посмотрела в зеркало и сказала себе: «Вера, ты теперь одна. Ты должна жить. Ради себя. Ради него. Ради того, что было. Ес-

ли ты сломаешься – всё было зря». И я не сломалась.

– Ты плакала ночами, – тихо сказал Дмитрий. – Я видел. Когда никто не видел. Когда ты думала, что ты одна.

Вера отвернулась.

– Это другое. Это просто… это тело само. Я не хотела.

– Я знаю, солнце. Я всё знаю.

Он рассказал ей о тех ночах. О том, как стоял рядом, невидимый, бессильный, и смотрел, как она сворачивается калачиком на его половине кровати, вдыхает запах его подушки и плачет без звука, чтобы соседи не слышали.

– Я хотел обнять тебя, – сказал он. – Просто обнять. Чтобы ты знала – я рядом. Но руки проходили сквозь. Я был как ветер. Как тень. Как ничего.

– Я чувствовала, – вдруг сказала Вера. – Иногда. Тёплый воздух. Лёгкое дуновение. Я думала – сквозняк.

– Это был я. – Он улыбнулся грустно. – Я дул на тебя. Глупо, да? Мёртвый муж дует на живую жену, чтобы она согрелась.

– Не глупо. – Вера коснулась его руки. – Мило. Глупо-мило. Как ты умел.

Они помолчали. Волны накатывали на берег и исчезали.

– Ты сменила квартиру через полгода, – сказал Дмитрий. – Я помню этот день. Ты собрала вещи, долго стояла посреди комнаты, смотрела на стены. А потом взяла коробку и ушла.

Я пошёл за тобой.

– Ты пошёл за мной?

– А куда мне было идти? – Он пожал плечами. – Свет не брал, ты уходила. Я привязался к тебе, Вер. Не специально, само как-то. Ты была моим якорем. Моим светом в этом сером аду.

Вера смотрела на него и не верила.

– Все десять лет? Ты был рядом все десять лет?

– Все десять. – Он кивнул. – Каждый твой день. Каждую твою ночь. Каждую твою победу и каждое поражение. Я видел, как ты становилась проводником. Как сдавала экзамены. Как получила своё первое дело.

– То дело с девочкой… – Вера вспомнила. – Пять лет назад. Утонувшая девочка. Я не могла её проводить, она цеплялась за меня, плакала…

– Я помог, – тихо сказал Дмитрий. – Я тогда впервые смог вмешаться. Чуть-чуть. Шепнул ей: «Иди, там мама ждёт». Она услышала. Ушла.

Вера смотрела на него широко раскрытыми глазами.

– Это был ты?

– Я. И ещё много раз. Когда ты не знала, как быть, когда души не слушались, когда грань истончалась слишком сильно – я был рядом. Помогал чем мог.

– Но как? Ты же мёртвый!

– Мёртвый, но не глупый, – усмехнулся Дмитрий. – Я учился. Десять лет учился взаимодействовать с миром жи-

вых. Сначала просто смотреть. Потом – влиять на эмоции. Потом – шептать. А потом…

– Что потом?

– Потом я понял, что могу входить в сны. – Он посмотрел на неё внимательно. – Ты видела меня во сне, Вер. Много раз.

Вера вспомнила. Те сны, которые она считала просто снами. Где Димка приходил, садился на край кровати, гладил по голове и говорил: «Всё хорошо, солнце, я рядом». Она просыпалась с мокрым лицом и думала: «Хоть во сне повидались».

– Это был ты, – прошептала она. – По-настоящему.

– Я. – Он кивнул. – Это было единственное место, где я мог до тебя дотронуться. Твои сны. Там грань тоньше всего. Там я мог быть почти живым.

– Почему ты не сказал? Во сне? Почему не предупредил?

– А ты бы поверила? – грустно спросил он. – Если бы во сне я сказал тебе: «Вер, я не сон, я правда здесь, меня убили, берегись» – ты бы поверила?

Вера задумалась.

– Наверное, нет. Решила бы, что это просто кошмар. Или подсознание играет.

– Вот именно. – Дмитрий вздохнул. – Поэтому я ждал. Ждал, когда грань истончится настолько, что я смогу говорить с тобой по-настоящему. Ждал, когда ты станешь достаточно сильной, чтобы выдержать правду. И дождался.

Он рассказал ей о тех годах, что провёл рядом. О её первой любви после него – нет, не Коле-медбрате, а том парне из отдела артефактов, с которым она ходила в кино три раза, а потом поняла – не то.

– Я тогда радовался, – признался Дмитрий. – Глупо, да? Мёртвый муж радуется, что у жены ничего не вышло с другим. Но я радовался. Потому что боялся, что ты забудешь меня совсем. Что я стану просто фотографией в альбоме.

– Я не забыла.

– Знаю. Ты даже вещи мои не выбросила. Я видел, как ты переезжала и везла с собой ту коробку. С моими рубашками, книгами, старой гитарой. Ты её в шкаф поставила, в самый дальний угол. Но не выбросила.

– Не смогла.

– Я плакал тогда, – тихо сказал Дмитрий. – Впервые за всё время. Смотрел, как ты эту коробку тащишь, и плакал. Мёртвые не плачут, Вер. Но я плакал. Потому что понял: ты помнишь. Ты любишь. Ты моя.

Вера почувствовала, как по щеке покатилась слеза. Она не заметила, когда начала плакать. Просто вдруг осознала – мокро.

– Дим…

– Не извиняйся, – он коснулся её щеки, стирая слезу. – Теперь можно. Теперь ты не одна. Теперь я здесь. По-насто-

ящему.

Она прижалась к его груди. Твёрдой, прохладной, но такой родной. Он обнял её, и на миг показалось – вернулось всё. Тот день, когда они были счастливы. Та жизнь, которая кончилась в один миг.

– Я скучала, – прошептала она. – Каждый день. Каждую ночь. Каждую минуту.

– Я знаю, солнце. Я был рядом. Я видел.

– Это не одно и то же.

– Знаю. – Он поцеловал её в макушку. – Прости меня.

– За что?

– За то, что умер. За то, что оставил тебя. За то, что не смог вернуться раньше.

– Ты не виноват.

– Виноват. – Он отстранился, заглянул в глаза. – Если бы я был осторожнее. Если бы заметил тот джип раньше. Если бы успел уйти от удара…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.